

ВАСИЛИСК

Сергей ДРУГАЛЬ

Рисунки Е. Стерлиговой

— Значит, так, сказка будет вот о чем,— Нури оглядел слушателей, поправил панамку на чье-то голове, вытряхнул песок из чье-то сандали.

Не очень далеко, но и не совсем близко, не очень давно, но и не сказать, что вчера, жил-был пес Кузя, а по соседству, через дырку в заборе, тоже жил-был кролик Капусткин. Иногда они обменивались мнениями. И как-то пес Кузя сказал:

— Посмотри, Капусткин, мне хозяин новый ошейник подарил. Правда, ведь красиво, а?

Кролик, осмотрел обновку сквозь выпавший сучок.

— Да, ошейник тебе к лицу,— ответил он.— И цепь, которой ты привязан, тебе тоже идет. Но больше всего мне нравится, когда ты еще и в наморднике.

Капусткин так говорил потому, что он был зайцем, а притворялся домашним кроликом, чтобы в него не стреляли.

Нури закинул руки за голову, шевельнул бичепсами. Самым трудным в деле воспитателя он считал необходимость сочинять сказки и сейчас гордился удачей, сказка получилась. Акселерат и вундеркинд Алешка, случайно затесавшийся в группу малышей, одобрительно хмыкнул и сказал:

— Обрати внимание на реакцию слушателей, воспитатель Нури. Никто не усомнился в способности пса и кролика говорить, это само собой разумеется. А почему? Ты не знаешь, вернее, ты знал и забыл. А я вот точно знаю, ибо я ребенок и помню: во всех сказках звери говорят. Ведь сначала все были братьями, люди и звери. И понимали друг друга. Но потом люди стали плохо себя вести, звери обиделись, ушли в леса, пустыни и тундру. Белый медведь вообще на льдину сбежал. А те, что остались по доброте, например, собаки, или из лени — кошки, или из слабохарактерности — коровы там и прочие жвачные, те замкнулись и постепенно вообще говорить разучились. Но память о временах, когда все были в родстве, когда люди понимали зверей, в звериной душе осталась. И в человеческой тоже...

Слушатели разбежались. Нури и Алешка расставили шахматы и быстро разыграли дебют. Детская площадка, одна из многих, расположен-

ных на окраине жилого массива океанского центра Института Реставрации Природы (ИРП), звенела голосами: детвора впитывала солнце и наливалась жизненными соками. Пахло скошенной травой и соснами, радостно лаял щенок.

— Чего я понять не могу, так это свойств памяти,— акселерат и вундеркинд Алешка сделал коварный ход конем и индифферентно отвернулся.

На стол спланировал говорящий институтский Ворон, перебрал в ящике битые пешки и осмотрел доску взглядом знатока. Алешка подергал его за хвост, и ворон предостерегающе раскрыл клюв.

— Знаю, что взрослый начисто забывает о детстве. Но почему? И когда? Вот она,— Алешка поправил бант на косичке пробежавшей мимо девчущки.— Она может силой воображения, даже и не напрягаясь, одушевить свою куклу. Я тоже раньше мог, а теперь вот не могу. Не знаю, как ты, а я ощущаю это как потерю.

Нури сделал рокировку, привычно оглядел площадку и убедился, что все в порядке, все заняты важнейшим в жизни делом — игрой.

— Одушевляет,— согласился он.— Я тоже думал об этом. Но до какого предела, вот вопрос.

И тут из зарослей орешника, что на краю площадки, вышел человек. Не бородатый волхв, не дровосек и вообще не похожий ни на кого из сотрудников ИРП. И потому его появление было сразу замечено: на площадке стало тихо. Нури смешал фигуры, отодвинул доску и подпер голову кулаком. Гость был в домотканых портках в синюю полоску, чистых онучах и новых лыковых лаптях. Домотканая же рубаха без ворота была подпоясана пеньковой веревкой, а светлые волосы, стриженные под горшок, топорщились. От всего этого Нури пришел в состояние тихого умиления, а малыши забыли про игры, разглядывая гостя.

Человек держал в руке лукошко.

— Вот как, значит! — Он поставил лукошко на стол и слегка поклонился.— Вывелся, выходит. Я бы сказал: возник...

Он откинул тряпицу с лукошка, и оттуда выглянули две головы, светло-коричневые, с черными ноздрястыми носами и стоячими ушками, похожие на детенышей лани, но поменьше.

Ребятишки обступили стол, тянулись на цыпочках, пытаясь разглядеть зверенышей. Гость сделал козу, головы поймали пальцы, зачмокали.

— Сосет,— сладким голосом сказал гость.

— Сосут,— машинально поправил Нури.

— Вот... это самое, не можем мы. Убедились: недостойны. Потому — грехи! Я бы сказал — эгоизм. И опасаемся, как бы чего... А он единственный. Ему безопасность нужна, ему настоящее молоко надоть. Мы не против, берите, а?

Вот так, вплотную, жителя Заколдованного Леса видел Нури впервые. Конечно, он был оттуда: никто из сотрудников ИРП не носил подобной спецодежды и не говорил столь косноязычно.

Гость сощурил васильковые глаза, обтер тряпичей пальцы.

— Так я пойду, значит. А ему б это, как его, детское питание. Натуральное, а?.. До свиданья.

— Вы еще придете?

— Придете вы, мастер Нури. Туда,— гость показал большим пальцем через плечо.— Вам на роду написано... придти.

— Ну, если на роду, тогда, конечно...

— Дядя,— перебил кто-то из малышей,— а как вас зовут?

— Иванушкой меня кличут.

— Э...— сказал Нури.

— А чего?

— Да нет, пожалуйста... Только вот детенышей из леса выносить не стоило, погибнут они без матери.

— Нет у него матери!

С этими словами Иванушка перевернул лукошко. И все ахнули. На столе лежал желтенький, в темных пятнах, теленок тянитолкая.

На следующий день вундеркинд и акселерат Алешка воспользовался отсутствием Нури, чтобы внести свою не предусмотренную программой лепту в дело экологического воспитания молодого поколения. Ему трепетно внимали пятилетние подопечные.

— ...Я вам так скажу, товарищи, что, увидев тянитолкая, дедушка Сатон сначала было сомлел, но быстро взял себя в руки и собрал весь цвет нашего ИРП. Пришли и самые широкие, и самые узкие специалисты — от этологов и генетиков до волковедов и серомышатников, все, кто причастен к реставрации природы. И не зря собрались,

ибо сломать, товарищи, всегда легче, чем построить. Пиф-паф — и вот уже нет красного волка. Трах-бах — и конец стеллеровой корове. Еще трах, еще бах — и ты убил последнего на Земле камышового кота! Небольшой такой, изящный и без хвоста... Ты скажешь: что мне камышовый кот, я и без него могу. Говори за себя, а не за всю планету. Земля без камышового кота не может! Для Земли камышовый кот такое же неповторимое дитя, как и ты, человек!.. Воссоздать утраченный вид так трудно, что удача становится праздником для всего человечества. А тут — тянитолкай...

Эмоциональная речь, украшенная добротными паузами, проникала в сердца слушателей. Алешка не так уж далеко отошел от истины. На чрезвычайном совещании в кабинете директора ИРП известные специалисты и впрямь столпились вокруг лукошка, с недоумением разглядывая сонного детеныша.

— Подумать только! — сказал директор.

— Н-да,— ведущий специалист по зоогенетике откровенно чесал затылок.— Как правильно заметил доктор Сатон: подумать только!

К столу протиснулся знаток палеофольклора, в срочном порядке доставленный на совещание. Усилием воли он заставил себя подтянуть челюсть, в изумлении отвисшую на кружевной воронник.

— Тянитолкай! О нем мало что известно,— знаток поднял указательный палец, и все посмотрели на перстень с агатом.— Мало чего... Змей-Горыныч, он же дракон, это — да, это получило отражение, равно как и Пернатый Змей у инков, именуемый Кетцалькоатль. Или серый, к примеру, волк. Хорошо разработан Конек-Горбунок, хотя источников по нему раз-два и обчелся. Жар-птица... она же у многих народов птица Феникс, мне так кажется. Обратное — единорог, он и в геральдику вошел... Сивка-Бурка, вещь каурка, ну, о том многие слышали, он же конь ретивый, хотя эту точку зрения не все разделяют: конь ретивый, дескать, крупнее и ест что ни попадя... Н-да. Но лично мне ближе всего дракон...

— Давайте советоваться, товарищи! — Сатон прервал затянувшийся экскурс в царство древнего фольклора.— Как быть? Они вот уже проснулись и моргают. Может, у кого есть вопросы? Вопросов нет. А я вот хотел бы спросить, да не у кого: какая из голов передняя? И бегаёт ли он, а если бежит, то куда? Что у него хвостик сбоку посередине, это обнадеживает, не правда ли?

Специалисты переминались с ноги на ногу, шумно дышали и ничего не говорили. И правильно делали: чего говорить, если нечего сказать? При сем присутствовала и тоже молчала

инструктор дошкольного воспитания — сухая и торжественная бабка Марья Ивановна. Но в конце концов вмешалась:

— Дите, оно и есть дите. Его поить-кормить надо. Дайте сюда!

Она забрала лукошко и, никого не спрашивая, унесла. Все облегченно вздохнули.

— И присмотрите, пожалуйста, чтобы не разорвался, когда подрастет, — сказал ей вслед Сатон и сел за свой директорский стол. — Человека, и того иногда разрывает. От противоположности устремлений... — И непонятно добавил: — Ты смотри, что творят! Невзирая на перемены в энергоснабжении!

— ...дракон, — от запятой продолжил знаток палеофольклора, — тот почти везде встречается. Расхожий образ и на Востоке и на Западе. А что это значит? Значит, истоки в природе искать надо. Сейчас уже все согласны, что были драконы. Были! А может, и есть. В глубинке. А нет, так будут!

— С драконами все ясно. — Сатон раздраженно постучал ладонью по столу. — У нас на повестке тянитолкай, а не драконы. И давайте говорить по сути.

— Я и говорю: пусть — из сказки... Но вы же сами видели — сосет! Значит, реальный. У любого упоминания в фольклоре корни надо

искать. Где? Отвечаю: в природе! Пусть, пусть данное явление по сути сказочно, но ежели оно из природы, то снова может возродиться. В яви, спонтанно или, проще, самопроизвольно. Есть мнение, что если в достаточно большом регионе возникает натуральная дремучесть, то она неизбежно порождает сказку, а с другой стороны — граница между сказкой и явью расплывается... У вас здесь, слышал, даже питекантропы возникли. А почему? Отвечаю: от дремучести!.. — Глазки знатока затуманились, чувствовалось, что тема дремучести лично ему близка. — Кондовость, я вам скажу, это сила. Раньше, согласен, на заре НТР она была силой косной. Но развитие идет как? Отвечаю: по спирали! Выходит, и кондовость опять стала силой, но уже прогрессивной, на другом уровне. В природу нам надо, вот куда. Глубже... И самим проще быть. Нутром понимать, а не задаваться вопросами. Хотя, конечно, нутром понять не каждому дано...

Сатон распушил бороду:

— Грехи, что ли, мешают? Как говорит Иванушка, эгоизм?.. Вы, случаем, не родственник Гигантюка?

Громовой хохот специалистов потряс стены. Испуганный Ворон сделал круг окрест резонирующей люстры. Знаток обиделся, не понимая

причин веселья. Тонкими пальцами он поправил жабо:

— Что кому мешает, то каждый сам о себе знает.

А дело в том, что гимн во славу кондовости, пропетый знатоком, почти дословно повторял высказывания Павла Павловича Гигантюка.

В свое время Гигантюк как-то изловчился попасть на руководящую научную работу: его, отовсюду убирая, постепенно повышали. Прельщенный возможностью спрашивать, ни за что не отвечая, Пал Палыч развил бурную организационную, а также интеллектуальную деятельность. Организационная свелась к внедрению в подчиненном коллективе почасового планирования, а умственная — к разработке ключевых руководящих фраз: я не готов обсуждать этот вопрос; вы меня не убедили; так что вы предлагаете?; вот так и делайте; нам, товарищи, надо по-большому; так что будем показывать? здесь мы с вами недодумали; что-то мы давно никого не наказывали.

Естественно, руководимый коллектив был забюрократизован: все непрерывно писали и согласовывали планы, на работу времени уже не оставалось. Пал Палыча перебросили на кадры. Коллектив ожил, но стало плохо с кадрами. Пришлось послать Пал Палыча в длительную и престижную командировку — не обижать же человека, который уже привык к руководящей деятельности. Но прошло четыре года, и снова возник вопрос: куда деть Гигантюка? Место нашлось на птицефабрике при ИРП... А дальше жизнь его оказалась странным образом связана с Заколдованным Лесом, ибо Гигантюк был инициативен, спервоначалу даже производил неплохое впечатление и очень хотел руководить научной работой...

Обо всем этом Нури узнал еще год назад, когда однажды он, охотник Олле, вент Оум и пес Гром пешком пересекали лесной массив ИРП. Оум, питекантроп в первом поколении из племени вентов, приболел и нуждался в квалифицированной врачебной помощи...

По пути из горной страны, где было пещерное становище вентов, они огибали зону Заколдованного Леса, лежащую почти в центре массива. Нури тогда был здесь впервые и часто останавливался, разглядывая Заветные дубы, слишком подлинные, чтобы быть настоящими. Вдали, за бревенчатым тыном, виднелись крытые корьем избушки жилого центра Заколдованного Леса. Кто-то в полосатых портках и лаптях не спеша прошел к тыну вслед за Коньком-Горбун-

ком, держа кнутовище на плече. Заскрипели деревянные ворота, открылись и закрылись за вошедшими. Опустился и снова поднялся колодезный журавль за тыном, было слышно, как захлопал крыльями и неуверенно прокричал кочет.

— Дальше нельзя. У тех вон кустов проходит граница завесы.— Олле присел на пенек, потянулся.

— Ух, и кобыла! — сказал Нури. Он прислонился лицом к защитному слою, ощутил его податливую упругость.

— Не кобыла это, — возразил охотник Олле.— Вид у него под кобылу. Сивка-Бурка это, сразу видно.

По ту сторону, совсем рядом, Сивка-Бурка пасся на поляне, заросшей Аленькими цветочками. Услышав разговор о себе, он взбрыкнул задними ногами, затем поднялся на дыбы, показав серебряные подковы и розовое, в веснушках, пузо. И заржал, и, склонив голову набок, прислушался к затихающим вдали перекатам собственного голоса. На морде его выражалось удовлетворение достигнутым результатом.

Вент Оум рухнул на траву, зажимая ладонями уши. Гром произвольно присел, как для прыжка, и ошетинился. На голову Нури свалилось что-то мягкое и очень горячее и скатилось к ногам. Как сквозь подушку, донесся до него голос Олле:

— И вот так всегда. Как увидит первый раз посторонних, так и орет неожиданно...

— С ума сойти, — Нури массировал уши.— Кто б поверил, что у такой маленькой скотинки, всего-то с осла, столь богатый голос!

— Уж это закон: чем меньше скот, тем больше крику.— Олле сдвинул палкой Жар-птицу, сбитую с небес ревом Сивки-Бурки, столкнул в ближайшую лужу, птица зашипела и обдалась паром.— Оклемается... А вообще, защиту надо ставить двойную, а то из Заколдованного Леса недавно тютельки просочились. Теперь вот Жар-птица...

— Скажешь тоже, — Нури с опаской косился на Сивку-Бурку, но тот спокойно хрумкал траву.— Кто это может через защиту пройти?

— Проходят. Мне уже волхвы жаловались, да и сам вижу, часто не разобрать, кто нормальный мутант, а кто оттуда.

Жар-птица выбралась из лужи, залезла в кусты и слабо светилась в темной зелени. Вент Оум с любопытством поглядывал на нее, видимо, прикидывая, нельзя ли приспособить это пернатое для освещения питекантропией пещеры. Все-таки со светляками много возни, а от костра и факелов копоть и дым...

Они встали и пошли дальше вдоль защиты.

И пока шли, Олле знакомил Нури с историей Заколдованного Леса.

Вольный охотник Олле поставлял Институту животных. Узнав, что где-то промышляет зверь, промышлять которому уже по сути негде, Олле являлся, догонял его, вязал и сажал в мешок. Потом дирижабль, карантин, прививки — и при-волье ИРП. Здесь и лес тебе, и степь, и боло-то, и речка — на любой вкус. Живи в естестве своем, и одна от людей просьба — чтоб быстрее плодился и размножался. Олле был бесхитро-стен и могуч, его пес Гром был свиреп с виду, но добр в душе. Олле дружил с воспитателями и очень помогал им, особенно во время заезда новых смен. Все дети Земли обучались общению с природой в центрах и филиалах ИРП...

Олле рассказал Нури, что порядком времени назад, когда Институт лишь разворачивал свою работу, лесной массив только набирал силы, а о вентах еще и слыхом не слыхивали, на птице-фабрике ИРП было обнаружено яичко не про-стое, а золотое. Естественно, стали искать, кто его снес. День ищут, два ищут, неделю... Но пой-ди найди одну из десяти тысяч кур! Забой сразу прекратили, курятина в городке ИРП исчезла, но этого даже никто не заметил. Народ волну-ется, все гадают. И тут пришел вундеркинд из местных, Алешки тогда еще не было. Вундер-кинд вынул пальчик из носа и сказал:

— Удивляюсь я вам! Неужто не ясно? Его снесла Курочка-Ряба.

Дед плачет, Олле имел в виду Сатона, а курочка не кудахчет, ибо за день до этого, несмотр-я на указание прекратить забой, в полупотро-шенном в виде попала на прилавок.

Пал Палыч Гигантюк, директор птицефабрики, объяснил:

— Все куры у меня, как одна, я зайду — замолкают. Белые. Неслись хоть и по-мелкому, но часто. А эта все что-то квохтала. Что она там несла, не знаю, может, и золотые яйца, а только редко несла. Показатель мне портила...

Сатон уволил Гигантюка за глупость и склон-ность к показухе. Формулировка была нетради-ционной, и Гигантюк явился к нему доказывать, что так нельзя, но в целом он готов обсудить этот вопрос по-большому, а если они в коллек-тиве что-то недодумали, то только потому, что давно никого не наказывали, однако за этим дело не станет... Сатон долго разглядывал соб-ственное отражение в зеркальных очках, без ко-торых Пал Палыча никто ни разу не видел. Да, действительно, согласился он, за глупость еще никого не увольняли — видимо, глупость нена-казуема. Тогда что ж, напишем так: уволить за равнодушие? С этим Гигантюк спорить не стал.

И вскорости, неугомонный, выдвинул лозунг: Курочку-Рябу воссоздать — и будет каждому по яичку, а это хорошо!

Почему, собственно, хорошо и зачем каждо-му золотое яйцо — об этом как-то не задумались, но кое-где Гигантюка поддержали и разрешили. Возможно, ключевые фразы произвели впечат-ление... Сатон же, перегруженный делами, не стал связываться с Гигантюком, но впредь в пре-вентивном порядке все вопросы подбора кад-ров сосредоточил в своих руках.

Пал Палыч быстро сколотил группу энтузи-астов из тех, кого забраковал Сатон, и увел их в массив.

— Всякая там генетика-кибернетика, поду-маешь! Если по-большому, то еще надо разо-браться, не лженаука ли это... Я вам скажу, ты мозги мне наукой, не мути, ты продукт дай,— говорил Гигантюк.— Золотое яичко — это про-дукт. Он что, из генетики? Нет уж, он из «жили-были дед да баба», вот он откуда. Нет, что вы предлагаете? Я вот говорю: проще надо, чтоб всем понятно было. Усложнять не надо. Конечно, насчет Курочки-Рябы — здесь мы с вами не-додумали, но если, товарищи, по-большому, то нам было что показать. Она-то ведь при мне неслась! Я сейчас не готов досконально обсуж-дать этот вопрос, но знаю: в природу нам надо. Кондовость, я вам скажу, это сила!

В очках Гигантюка отражалось ясное небо, а под очки — страшно было — никто не заглядыв-вал. Энтузиасты молча сопели. Как-никак они уже были отравлены ядом генетики-кибернети-ки и плохо представляли связь между поскон-ным бытием и золотыми яйцами. Но сама идея — опроститься и двинуть назад — им, в общем, нравилась. Сгоряча они сварганили в глубине массива поселок и, чтоб не было утечки инфор-мации, Гигантюк почему-то больше всего боял-ся этой самой утечки, обнесли его тыном.

Когда необходимый жилфонд был создан, Гигантюк перво-наперво выделил квартиры свое-му неженатому сыну и незамужней дочери, вы-рубил ближнюю рощу и на ее месте поставилobelisk с лозунгом: «Достижения — в жизнь!» Потом присмотрел себе пять заместителей из числа бессловесных. Пять — это очень престиж-но, поскольку сам Сатон имел всего трех. Про-питание энтузиасты добывали в лесу, Пал Палыч и заместители кормились возле них. Вся эта ком-пания благоденствовала на лоне природы до-вольно долго. К приезду ревизоров Пал Па-лыч — итак, что будем показывать? — организо-вывал выставку достижений. Впрочем, ревизоров у самого тына перехватывал заместитель, кото-рый в совершенстве умел с ними обращаться, и

экспонаты выставки отправлялись пылиться в темных коридорах до следующей ревизии.

Гигантюк берег себя и периодически ложился на профилактику. Он также любил хорошо питаться, хотя это плохо влияло на окружающую среду. Сатон некоторое время терпел браконьерство. Но когда Гигантюком был съеден на закуску козлокапустный гибрид, директор расщепел и накрыл поселок с прилегающей территорией защитным полем. Монумент с лозунгом оказался по эту сторону завесы, и его убрали. Жителей перевели на централизованное снабжение едой, а Пал Палыча Сатон уволил своей властью без права восстановления в ИРП. Впрочем, Гигантюк сказал, что его еще позовут — и тогда посмотрим. В ожидании он пребывал в поселке, заняв свободную хату с краю. Часть энтузиастов, оставшись без привычных шашлыков, запросилась обратно в цивилизованные края и была отпущена. Другие, с трудом, но поверив, что Пал Палыча не будет больше, эмансипированно набросились на работу и в короткий срок кое-что сотворили. Про Курочку-Рябу как-то забыли, а вот птица Рух получилась. Зверовидная, с огромными окороками, вполне пригодными для копчения. Видимо, без генетики здесь все же не обошлось, хотя разработчики опять-таки напирала на кондовость...

Тут Олле прервал свой рассказ, ибо Заколдованный Лес уже остался позади.

Малыша тянитолкая приходилось кормить сразу с обоих концов и из двух сосок. Из одной было нельзя, каждая голова норвила наесться первой, и они только мешали одна другой. А вот сейчас все было в порядке, и было видно, что он толстенький, и было приятно трогать его. Вытянувшись, он от носа до носа имел в длину полметра.

— Аршин, — сказал вундеркинд и акселерат Алешка, быстренько меняя опорожненную бутылочку. — Тянитолкая нельзя мерить на метры.

Вокруг низкого стола из строганых досок, на котором осуществлялось кормление, толпились экскурсанты. Средняя группа, шесть-семь лет. Кормление зверят входило в программу экологического обучения детей, проходящих обязательный двухмесячный курс воспитания при ИРП. Этому делу Совет экологов придавал не меньшее значение, чем самому процессу реставрации природы.

Ребятишки не дыша разглядывали диковинного теленка и безнадежно завидовали Алешке, ответственному за уход. Право вундеркинда на исключительность никто не брал под сомнение,

ибо его энциклопедические познания были общеизвестны. Алешку уважали не только люди из городка дошкольников, не только сотрудники океанского центра ИРП, но и звери и птицы. Конь позволял ему взбираться на себя, пес Гром, тигриный выкормыш, всегда был рад встрече с ним, а марсианский зверь гракула радостно уплощался, когда Алешка гладил его. Зверь этот, приспособленный к суровой жизни в пустынях на марсианских полюсах, быстро прижился в детском городке и лучшим местом обитания считал песочные кучи на игровых полянках...

Сытый тянитолкай сразу заснул. Экскурсанты, переговариваясь шепотом, вволю глазели на него, пахнущего молоком и пеленками. Детеныш подобрал под себя, согнув в коленках, ножки с мягкими копытцами, свернулся бубликом и уткнулся носом в нос. На створке открытого окна сидел вездесущий Ворон, ему сверху было видно все, как есть.

— Р-р-редчайший экземпляр-р! — неожиданно для самого себя вдруг возопил он. Головы тянитолкай сонно зачмокали.

Обеспокоенная карканьем, в комнату вошла Марья Ванна, инструктор дошкольного воспитания.

— Триста лет прожил, мог бы и соображать кое-что, — она ткнула в сторону Ворона костлявый палец. — Дите спит, чего орать? И вообще, посторонние могут быть свободны. Режим прежде всего. Кому понравится, чтобы его спящего разглядывали?

Все вышли, остались только Марья Ванна, Алешка и вент Оум. Детеныша осторожно переложили в плетенку, унесли в вольер...

Перед сном, когда, поставив защиту от ночных насекомых, воспитатели уходили к себе, в спальнях велись странные разговоры. Рассказывали, что Алешка запросто бывает в Заколдованном Лесу, что черный пес Гром разговаривает не хуже Ворона, но скрывает это, что тот дядя Иванушка, который принес тянитолкай, действовал по наушению Алешки и он же по ночам закапывает в песок неожиданные деревянные игрушки. А в Заколдованном Лесу для воссоздания сказочных форм жизни пользуются старинными рецептами, в которых зашифрованы составы весьма эффективных мутагенов гарантированного действия. Конечно, хорошо бы там побывать, но Сатон никого в этот Лес не пускает, потому что, смешно сказать, боится за неокрепшие детские души. Тянитолкай, говорили еще в спальнях, ненормально толст, его перекармливают. Потом кто-то высказал мнение, что вдруг это животное вообще не взростает? Вот здорово было бы!..

А в это время Нури и Алешка прогуливались перед сном неподалеку от вольера, ожидая часа, когда надо гасить высоко подвешенные над крышами светильники.

— Представляешь, Нури, целый муравейник дюймовочек! Не совсем муравейник, а так, пень здоровый такой. И домики, домики — как опята. Под двускатными крышами.

— Сам придумал? — Нури со светлой завистью оглядел акселерата.

— Не веришь? А это видел? — Алешка достал из-за пазухи берестяной сверток. Развернул. Старославянской вязью на нем было написано:

К жителям зоны. Обращение. Родились дюймовочки. Кто хочет видеть и помочь пусть приходит босиком и натошак как прокричит первый кочет. Сбор насупротив колодца по ту сторону тына где доска отходит.

— Сам, что ли, писал? Стиль... и ни единой запятой! Чему вас только в школе учат?

— Что уж ты, Нури! Иванушка дал. А в школе действительно... по двенадцать человек в классе! Я у него недавно в гостях был.

— Учителей не хватает, слишком высокие требования... В зону-то как попал? Через силовую завесу?

— Это от вас завеса, от взрослых. А народ там вполне, хотя немного замкнутый. Ну, да ты быстро привыкнешь.

— Как это я привыкну, с чего бы я привыкал? Да и не пройти в зону.

— Это правда, взрослому не пройти. По двум причинам. Первая: взрослый все равно ничего не увидит. А вторая: если и увидит, так не поверит. Ну и нечего зря... — Алешка помолчал, потом спросил, глядя в сторону: — Ну так что, пойдешь?

Дюймовочки, подумал Нури. Целый муравейник...

— Я же взрослый!

— Пусть это тебя не волнует, воспитатель Нури. Марь Ванна сказала, что ты никогда не повзрослеешь.

Они остановились у вольера, в котором жил тянитолкай. Прежде чем окончательно улечься, тот пощипывал стриженую травку. Опасения Сатона, что он разорвется, не оправдались: тянитолкай передвигался подковкой, так, что каждая пара ног у него была передней.

К проволочной ограде прижался медведь, не спуская глаз с теленка. Ворон гулял по верху ограды, а со стороны, противоположной медведю, неподвижно стоял белогривый золотой конь и тоже таранился на тянитолкаю. Днем его долго рассматривала лосиха с детенышем, потом

ушла. Охотник Олле рассказывал, что из леса приходили и волки — ночью, чтобы их не видели... Теленок был пузатенький, ленивый и с плохим аппетитом. По-настоящему оживлялся он, только когда рядом был пес Гром, и это многих удивляло. Травоядный тянитолкай лънул к собаке, а ведь она, ни дать ни взять, хищник, о чем мы порой забываем...

— Значит, договорились, да? Завтра за тобой пойдет Гром. Как услышишь рык неподалеку, сразу выходи. За малышей не беспокойся, я тебя подменю на время отсутствия.

Сразу после утреннего обхода спален, еще до пробудки, Нури связался по видео с директором. На голоэкрane дед хорошо смотрелся, только борода его расплывалась у границ сфероида.

— В сказку? — Сатон отделил от бороды волосок, задумчиво накрутил на мизинец. — Иди непременно и немедля! Я пытался — не прошел. Энергию просят — дай! Реактивы дай. Программное обеспечение дай, а как сам захотел, представь, замялись. Излишне, видишь ли, рационален... Это правда, что есть, то есть. Конечно, сейчас Василиск объявился, призадумались, тебя вот сами зовут. — Сатон вздохнул. — Тонкое это дело... воссоздание. Что-то у них там заклинило. Разберешься — помоги.

Из поселка Нури и Гром двинулись налегке, забирая все глубже в лес. В чистом сосняке, почти свободном от подлеска, легко дышалось. И было хорошо бежать по упругой хвое. Через частые ручьи Нури переходил, не снимая плетеных из кожи постол и обсыхая в движении. Было много птичьего гомона, но непривычно мало зверья: большинство копытных и почти все хищники обитали в лесостепи, саванне, окружающей лесной массив.

Постепенно лес густел, и на четвертом часу Нури, отвыкший от регулярных занятий, перешел на быстрый шаг. Трава до колен, вьющиеся растения и кустарник мешали бегу. Собаке, конечно, было легче: росту поменьше, а ног вдвое больше. Но и пес, не умея потеть, уже вывалил язык. Вплавь — Нури порадовался, что руки свободны — пересекли длинное озеро и недолго отдохнули на знакомом пляжике.

Неподалеку, в основании пологого скалистого холма, выпукло шевелилась покрытая звездами тяжелая синяя занавесь, прикрывавшая вход в пещеру. Отшельник, видимо, ушел по делам, иначе не преминул бы посидеть рядом, погладить пса и накормить их свежим хлебом с молоком. Из пещеры доносился храп льва Варсоно-

фия, не любившего, чтобы его будили. Нури сидел за столом под навесом, где стояла остывшая русская печь, и ему от этого безлюдья стало как-то грустно. А скорее всего он просто надеялся поесть у Отшельника. Вообще-то обходиться без пищи и три-четыре дня для Нури было привычно, ибо каждый воспитатель, чтобы поддержать физическую и духовную форму, не ел один день в неделю, три дня подряд каждый месяц и подвергал себя очистительному абсолютному двенадцатидневному голоданию раз в год. Все это так, но все же...

За маленькой рощей акаций на обширной поляне паслось смешанное стадо антилоп и зебр — полудомашняя скотина Отшельника, крупнейшего на планете специалиста по психологии сытого хищника.

— Сытый хищник, — вспомнил Нури рассказы Отшельника, — это совсем не то, что голодный. Он не кусается, и в этом его главное отличие. Возьмите меня, я десять лет разделяю эту пещеру со львом — и ведь ни разу!..

Далее Гром повел путанными тропами через сплошные джунгли, темные внизу и душные. Казалось, нет конца этому буйству непроходимой зелени. Сверху доносились немелодичные вопли, но Нури, снимая с потного лица липкую паутину, уже не интересовался, кто кричит и почему. Под ногами хлюпали раздавленные грибы, одуряюще пахли белые мелкие орхидеи на гниющих поверженных стволах. Еще год назад они в Олле и вентом Оумом проходили здесь свободно. А как же ночью и без собаки? А волхвы? Они-то месяцами не выходят из леса...

Наконец джунгли кончились, и путники вышли к реке. На той стороне раскрылась холмистая равнина в зеркалах небольших озер. Она уходила вдаль, украшенная редкими дубравами, а за ними и над ними у горизонта переливались радужными бликами в закатных лучах заслон силовой защиты Заколдованного Леса. Гром скоро нашел брод. Ступая по округлым скользким валунам, Нури думал о необъятности территории ИРП и о том, как же это Иванушка добирался отсюда в одиночку, да еще с лукошком в руках? А Алешка? Это просто невероятно! Или он тайком пользуется махолетом? С него, вундеркинда, станется...

Нури разделся и вытряхнул одежду. Потом нашел маленький заливчик и долго отмывался от снадобий, пугавших насекомых. Затем он вымыл пса, еще раз искупался сам, лег на теплый песок и заснул на часок...

Свежие и отдохнувшие, Нури и пес бодро шли по зеленой равнине. По мере приближения к Заколдованному Лесу дубравы и рощицы эвкалип-

тов стали попадаться все чаще. Нури снизил темп движения: куда спешить, ведь Алешка предупредил, что защитный слой местами становится проходимым ближе к ночи, а где — о том знает Гром... Внезапно пес на секунду обернулся, и Нури застыл, пораженный: теперь это был сгусток злобы и тревоги, он пятился рычя, пока не коснулся ног Нури. Что-то случилось впереди. Нури ощутил, как уходит покой и предчувствие — нет, не опасности, а неотвратимой смерти охватывает его. Он положил руку на жесткий загривок собаки и медленно двинулся вперед, наклоняясь под низко свисающими ветвями. И увидел...

На поляне, метрах в двадцати от затуманившейся к вечеру завесы силовой защиты, прижался крупом к сухому дубу-гиганту белый единорог. Spина его была изогнута, светились рубиновые глаза, а рог, прямой и длинный, был опущен к земле. В позе зверя угадывалось напряжение битвы, земля вокруг была изрыта и раскидана. Нури долго вглядывался, затаив дыхание. Единорог был неподвижен; когда повеял случайный лесной ветер, часто блуждающий меж стволов спящего леса, грива его не шевельнулась. Подобие догадки мелькнуло у Нури, и он, крадучись, стал приближаться к единорогу. Гром вновь издал предостерегающее рычание, но двинулся рядом и чуть впереди. Трава, пожухшая странными полосами и проплешинами, неприятно хрустела под ногами, пес старался не ступать на нее.

Они подошли совсем близко. Единорог не шевельнулся. Тогда Нури коснулся его рукой и тут же отдернул ее. Ибо под рукой был камень.

Значит, кто-то изваял эту скульптуру, какой-то гениальный художник подсмотрел в своем воображении облик прекрасного сказочного зверя, воплотившего грацию коня и мощь древнего тура. Но почему тревожен Гром? И не от скульптуры же исходит ощущение угрозы?.. Нури сидел в сторонке по-турецки, обняв пса и подавляя властную потребность оглянуться. Чувство страха было непривычно, оно воспринималось как еще одна загадка среди многих. Почему скульптура установлена в совсем неподходящем месте? Что означают эти полосы усохшей, почти обгорелой травы и спиральная линия ожога на стволе дерева?

Полосы на траве уходили под кусты у самой границы завесы, и Нури подумал, что в Заколдованный Лес должна быть и еще какая-то другая дорога.

Пес встал, заглянул Нури в глаза: может, пойдём? Темнеет...

— Ладно, веди.

И они пошли по извилистым тропам, удаляясь от странной скульптуры, и тревога постепенно вытеснялась привычной уверенностью. Мир стал, как и прежде, понятен, загадки отошли на второй план, и снова приятно было идти по мягкой траве и ощущать рядом невидимого в густеющей темноте черного пса. Нури прислушивался к шорохам и странным крикам вдаль, разглядывал плывущую низко над лесом полную красную луну. Подумал: если Алешка и его друзья тоже вот так ходят по ночному лесу, то сопровождает их, видимо, Гром? И почему он, воспитатель, столь поздно узнает об этом? Игра в тайну? Но почему игра, тайна-то вполне настоящая!

В свете луны завеса потеряла радужность и воспринималась как прозрачный белый туман. Пес вошел в него, а следом и Нури — вдруг поняв, что если заговорит сейчас, то Гром уже не станет молчать, как обычно... Тот на ходу прижался к ноге Нури.

— Добрый человек и собака поймут друг друга и без слов. Но иногда так хочется поговорить, а не с кем. Говори, Нури, и я тебе отвечу.

Нури не удивился. Ощущение сказки уже овладело его сердцем. Он много раз видел, как охотник Олле разговаривал со своим псом вслух. Там, вне сказки, Гром отвечал ему молча. А в

Заколдованном Лесу он, естественно, и должен говорить...

— Ты уже был здесь?

— Много раз.

— Все-таки защита, а мы идем свободно...

— Если ночью и с тобой, то можно. Дети проходят.

— Но я взрослый!

— Ты веришь в сказку.

— Не понимаю...

— Тогда не знаю. Ведь я только собака, хотя и большая. Скажи, Нури, тебе иногда хочется повить? Попросту, по-человечески? Мне интересно. Олле, например, никогда не воет.

— Если я скажу, что не хочется, ты поверишь?

— Нет,— пес надолго замолчал, поглядывая снизу на человека.— Мне хорошо, когда Олле рядом, но он часто уходит без меня, и тогда я вою. У тебя тоже кто-нибудь уходит? Ну, тот, кого ты любишь?

Нури не ответил на вопрос, а мог бы. Если кому человек и верит без остатка, то, конечно, собаке. И кто видел собаку, что не оправдала доверия?

Там, где они шли, туман светлел, и близкие звезды светили им, и вздрагивали вслед шагам махровые ромашки. А в конце прохода откуда-

то сверху спланировал Ворон и сел на плечо Нури.

— Это наш Ворон,— сказал Гром.— Тот самый.

Нури поднял руку, и Ворон ущипнул его за палец.

— А почему молчит?

— Умный.

Здесь, в Заколдованном Лесу, было гораздо светлее и от луны, и от глубокого свечения Жар-птицы, расположившейся неподалеку на яблоне. В клюве у нее был зажат длинный стебель какой-то травы, надо думать, приворотного зелья. А под яблоней был сооружен очень широкий котел с низким помостом вокруг. Возле помоста стояла дубовая бадья и висел долбленный ковш. Под котлом вспыхивали редкие угарные огни, и тогда в котле что-то взбулькивало, лопались пузыри, выпуская пахучий пар. Большой сруб с мелкими окошками виднелся невдалеке, а на веревке между срубом и яблоней висели пучки травы, пристегнутые бельевыми прищепками. Под тускло светящимся окошком сидел, ничего себе, Серый Волк, мерцая исподлобья зеленым взглядом.

Гром было оцетинился, но, приняв хвостом и убежал в полумрак, откуда доносилось громкое хрумканье и что-то похожее на скрежет зубовой.

Потом из темноты оформился Дракон, вытянул длинную шею к котлу, и Нури застыл, как замороженный. Не то чтобы Дракон поражал воображение, скорее наоборот. Голова его была такой, какой и должна была быть. Разноцветные чешуйки, каждая с ладонь, покрывали ее, и только ноздри казались бархатными, да отвисала мягкая нижняя губа, обнажая полуметровые плоские белые резцы жвачного животного. В кошачьих зрачках отражались синие языки костра. Туловище было плохо различимо, но Нури снова охватило ощущение ужаса, первобытного и дремучего. Борясь с дурнотой, он похлопал Дракона по влажной ноздре:

— Ну, чего уставился?

Вытер пот со лба, чувствуя, что уже надоело бояться. Боялся неизвестно чего там, на поляне с единорогом, испугался травоядной скотины здесь, где по законам сказки страхи не должны пугать. А тем не менее холодный пот за ушами — вполне настоящий! Дракон покосился на Нури, выдохнул струю горячего воздуха.

— Ууууу?... — низкий гул заполнил пространство.

— Чешите грудь! — донесся из темноты могучий бас. — Чего — «у», спрашивается, сроков не знаешь?

Дракон вздрогнул и попятился в темноту. Нури машинально зачерпнул ковшиком из бадьи, заставил себя выпить. Молоко? — вяло подумал он. Но пахнет медом. Или нет, липовым цветом...

Страх отходил, словно светлый огонь пробежал по жилам.

Нури осушил второй ковшик и засмеялся.

Заскрипела дверь, и из сруба вышел Иванушка с большой поварешкой, похожей на весло. По дороге сняв пучок травы, он залез на помост и долго помешивал варево. Потом, наморщив лоб, осмотрел пучок, отделил травинку, остальное бросил в котел. С хлопанием лопнул большой пузырь.

— Три-четыре! — заорал Ворон за ухом Нури.

Жар-птица вздрогнула, распустила крылья с малиново светящимися подмышками и уронила в котел свое зелье.

Только теперь Иванушка заметил гостя.

— Мир вам, мастер Нури! Садитесь, прошу.

— А что в котле? — шепотом спросил Нури. — Видимо, живая вода, а?

— Сие тайна великая есть. — Иванушка шуровал мешалкой. — Но вам, как гостю, скажу: обычный первичный бульон. Состав его действительно никто не знает. А только, как написано в букварях, из него все вышло...

Он принес и положил в котел шершавую доску, оперев ее на край.

— Ага, — обрадовался Нури. — Понятно, полезем в котел омолаживаться... Мне уже пора, да?

— Нет, — Иванушка не поддержал шутки. — По доске из котла вылезит, что получилось. Ну, а ежели оно совсем маленькое, то дуршлагом вылавливаем.

— Живое?

— Чаще все же семена. И вот тут гадать приходится — то ли в землю закапывать, то ли на ветер пустить, то ли в ручей кинуть? Экспериментируем. То ли птице дать склевать? А ежели колючее, то куда цеплять для дальнейшего разнесения — на хвост ли собачий, на бок ли телячий?

— Скажите, какие сложности!

— То-то. И какой тут фактор влияет, никто сказать не может. Действуем методом ползучего эмпиризма при полном отсутствии теории. Я бы сказал, методом научного тыка.

— И не знаете, что получится?

Иванушка оставил мешалку, усмехнулся.

— А вы, Нури? Вы всегда предвидите последствия своих действий? Хотя бы в деле воспитания? Не отвечайте — это я так просто спросил. Если метод не формализован, то предви-

дение результата — дело статистики, а в биологии, как и в воспитаний, флуктуации способны исказить любую статистику. В общем-то это меня мало трогает: не терплю формализаций. Как и вы, да? Иначе с чего бы вы из кибернетики ушли в столь не детерминированную область деятельности, как воспитание? Не отвечайте, это я просто так спросил... Что больше всего пленяет меня в гносеологии, так это идея о бесконечности познания. Как это утешительно — знать не все! Вот видите, я дуршлячком снимаю пену с навару — и на холстинку ее. Высохнет, будет коричневая пыль. Ан нет, не пыль это! Пыльца. Махнет Дракон крылом, вихрь будет, разлетится пыльца и на окрестные цветы осядет, а что из того выйдет — никто сказать не может. А мы потом ходим, смотрим и удивляемся.

— Идите к черту, Ваня... Вы мне так мозги заморочили, что я и впрямь поверил. Мне говорили, будто у вас здесь те же установки, что и в остальных лабораториях ИРП. Только методики, подозреваю, у вас другие. Я бы сказал, не совсем корректные...

Из кустов появился некто грубый и ужасный обличьем, босиком и в переднике из меха чуднудры.

— Дядя Митя, и вы тут! — воскликнул Иванушка. — Вот не ждал. А что, опять на болото лазали, да?

— Об чем ты? Буде болтать при людях.

— Поздоровайтесь с гостем, дядя Митя. Это воспитатель дошколят Нури из ИРП.

— А я Неотесанный Митяй. Леший, значит.

— Настоящий? — Нури пожал твердокаменную пятерню, удивляясь силе ее.

Леший не ответил на вопрос, он разглядил бороду, посыпались зеленоватые искры.

— Трещит, проклятая. Потому — все вокруг электризовано. От бороды наводки, работать невозможно. Кругом помехи. — Неотесанный Митяй засопел, полез в карман передника и стал что-то перебирать моластными пальцами на черной своей ладони.

— А сбрить, — не подумав, предложил Нури. Неотесанный Митяй долго смотрел, как лопаются в котле пузыри.

— Пусто тут у вас, — ни на кого не глядя, молвил он. — Отойду вот в сторонку, семечко посажу, а? Интересуюсь задать вопрос: и за каким лешим тебе, Ванюшка, воспитатель понадобился? Это ж надо — сбрить...

— Ну, не всяко лыко в строку, дядя Митя. Непривычный он к нам. А так ничего. Алешка говорит — чист сердцем.

— Чешите грудь! Старик Ромуальдыч вон тоже чист, а толку?

— Нури — кибернетик. Один из лучших на планете!

Леший пригляделся к Нури и вроде бы помягчел. Он полез ковшиком в бадью, пошаркал по дну, ничего не достал и вздохнул:

— И на ночь не хватило, не надоишься... Кибернетик — это хорошо. Это для нас в самый раз. Если у тебя, Ванюшка, в котле семена возникли, дай немного, а?

— Дам, конечно, как не дать.

И снова озноб пробежал по спине Нури — и он, не поворачиваясь, почувствовал горячее дыхание Дракона. От кустов донесся вопрошительный рев:

— Ууууууу?

— Что «у»? — могуче закричал Неотесанный Митяй. — Будет тебе «ууу» после третьего кочета. И не вибрируй перепонками, тоже мне, пу-гало!

Дракон удалился. Нури понял это по наступившему в душе покою. Где-то неподалеку слышались громкое сопение и дробный стук, словно скелет падал с сухого дерева, но эти звуки после Драконова присутствия просто ласкали слух.

— Вы б шли, дядя Митя. А то как бы ваши роносоцы не повредили друг другу. Слышите, опять дуэль затеяли!

Леший сложил семена в карман передника, тяжело поднялся.

— И то... Пойду. Только не роносоцы это, Ванюшка, сколько можно говорить. Единорог, самый благородный зверь из живущих на земле!

— Бадейку-то заберите, второй кочет уже кричал.

— Сам знаю. Эх, не по специальности вы меня, чешите грудь, используете! Ладно, пойду... А вы, Нури, видать, к нам надолго. Еще, выходит, свидимся.

— Что значит надолго? — спросил Нури, когда леший ушел.

— Э, сколько захотите, столько и пробудете. Вот вы тут о некорректности методик говорили. Вы что, и в генетике специалист? Разбираетесь в трансцендентных мутациях?

— Не сподобился, — хмуро буркнул Нури.

— Не сердитесь, просто я хочу сказать, что неизвестно еще — чьи методы лучше. Вы там бьетесь над восстановлением исчезнувших реальных форм, а все равно часто вынуждены удовлетворяться похожеством, внешним сходством. Так ведь? Ибо если утерян генофонд, то воссоздать животное уже невозможно. Природа-то миллионы лет тратила. А мы... За сотню лет уничтожили, а за десяток восстановить хотим... — Иванушка склонился над котлом, заработал веслом-мешалкой.

— Не узнаю я вас, Ваня,— задумчиво произнес Нури.— У нас там вы вроде совсем другой были и по-другому речь вели.

— Образ обязывает, сложившийся в детском сознании стереотип. Иванушка как-никак... Хотя, с другой стороны, известен ведь и Иван-царевич.— Тут речь Иванушки потеряла стройность. Словно спохватившись, он забормотал: — Не вам судить, сами в эгоизме погрязли, в самомнении... Нам, например, легче, ибо не ведаем, что творим. Потому — люди мы простые. От этой, от сохи, выходит.

— И Ромуальдыч от сохи?

Иванушка подождал, пока Нури отсмеется.

— А что? Ромуальдыч, между прочим, обеспечивал. Он и сейчас еще вполне может.

Раним-рано сидел Нури на крыльчке избы, в которую его определили жить. Крыльцо, еще влажное от росы, выходило прямо на улицу поселка. Нури уже вымылся по пояс колодезной водой, на завтрак выпил малый ковшик драконьего молока и вот сидел, прислушиваясь к новым ощущениям. Кровь бежала по венам, и он чувствовал ее бег, мышцы просили дела, а мысли возникали четкие и добрые. Еще когда Нури только досматривал предпробудный сон, неслышно прибежала Марфа-умелица, прибралась в горнице, задала корм курам, что-то мыла и чистила, и хлопотала, и так же неслышно исчезла, ушла по своим делам.

Редкие прохожие здоровались с Нури, говоря: «Утро доброе, воспитатель Нури!» И Нури отвечал: «Воистину доброе».

Было слышно, как на заднем дворе Свинка-золотая щетинка рылась в приготовленной для удобрения огорода навозной куче — конечно, в поисках жемчужного зерна, что же еще можно там найти? На коньке соседней крыши вездесущий Ворон, склонив набок голову, слушал песню скворца. Допев, скворец слетел на грядку, где его ожидали дождевые черви.

— Мастер-р-р! — одобрительно произнес Ворон.

Когда люди прошли, Нури обратил внимание на пегого котенка, что сидел на перильцах.

— А кого мы сейчас гладить будем? — тонким голосом спросил Нури. Котенок прыгнул ему на колени.

— Меня-я!

— Говорящий? — приятно изумился Нури.

— Не-е-е.

Притворяется, подумал Нури. Чтоб не приставали с вопросами. А сам, конечно, говорящий. Поселок, огражденный тыном от остальной

территории, насчитывал десятка три рубленых изб, разбросанных там и сям. Единственная улица изгибалась причудливо, то вползая на пригорки, то сбегая в низинки, заросшие травой-муравой и Аленькими цветиками. Протекал через поселок прозрачный ручей, но жители почему-то брали воду из колодца с журавлем. Ворота в ограде были широко распахнуты, и Нури видел, как в них вошел человек, длинный и тощий, босиком, в коротких трусах и майке. На плече он нес два толстых чурбака. Усы тонкими стрелками торчали по обе стороны носатого лица, и если бы еще эспаньолку, небольшую такую остренькую бородку, то можно было бы принять его за Дон-Кихота.

— Вот и дело мне,— Нури вернул котенка на прежнее место и вышел навстречу.— Позвольте, я вам помогу.— Он принял на свое плечо оба чурбака и пошел рядом.— Здравствуйтесь, я Нури.

— А чего б не помочь? Старому мастеру надо помогать, а то все заняты, всем не до меня... Здравствуйтесь, Нури. Меня зовут Гасан-игрушечник, и моя мастерская вот здесь. Спасибо, мы уже пришли... Нет, не сюда, кладите под навес, я сейчас закрушу охрой торцы, чтобы не растрескалось, и пусть дерево сохнет. Сейчас, конечно, где Василиск — зло порожденное — прополз, там и сухостой, вроде как пожаром тронутый. Мне говорят: бери. А отравленное дерево для игрушек не пригодно, как такую ребенку дашь. Может, зайдете в помещение? Я покажу вам игрушки, вы ведь любите игрушки?

Нури любил игрушки, но ждал Иванушку и потому пожелал мастеру приятной работы, собираясь уйти. Он обещал прийти потом, надолго, чтобы насладиться беседой и созерцанием без спешки.

— Подождите, Нури. Взгляните хоть на это.

Мастер держал на ладони деревянного зверя — и ощущение возвращенного детства, ощущение неповторимости мгновения овладело душой Нури. Зверь светло шурился, причудливо изогнув спину. Его лапы, мохнатые снизу, с пухлыми подушечками, опирались на растопыренные пальцы мастера, тело было мускулисто и волосато, и веяло от него такой уверенностью и бесстрашием. Конечно, такой зверь должен быть... он есть где-то здесь, в сказке... а мастер подсмотрел и перенес, ибо такое нельзя выдумать. С тихой радостью рассматривал Нури игрушку, представляя реакцию своей ребятни, особенно теперь, когда дети познакомились с тян-толкаем и восприняли его...

— Спасибо, мастер! — Нури прижал руки к сердцу.— Но откуда это у вас берется?

— Разве я знаю? На этот вопрос ни один мастер не ответит. Но я думаю, что в каждой коряге, в любом чурбаке заключен свой неповторимый образ, надо только догадаться — какой и освободить его. Догадался, ощутил — это главное. А остальное — дело техники. Я вот эту загогулину нашел, так сразу почувствовал: в ней кто-то есть. Но кто, еще не знал. Образ возник потом, когда у нас тянитолкай появился... Вы поняли, Нури?

— Нет, но я чувствую... это близко мне, мастер. И много у вас таких зверей, да?

— Увы, это единственный экземпляр, как и все мои поделки. Он не пригоден для массового тиражирования. Ну сколько детишек подержат в руках этого зверя?

— Это неважно, мастер. Когда речь идет о красоте, бывает достаточно просто знать, что она где-то есть. Скажите, а вы посещаете нас там, ну, в реальности? Иногда у нас появляются чудо-игрушки. Дети говорят: утром пришли и увидели. Или, говорят, в песке откопали...

— Все Иванушка. Он забирает игрушки и уносит к вам. А я — нет, я только здесь. Зачем и что мне там... — Мастер посмотрел через плечо Нури и без выражения добавил: — А вот и Кащей Бессмертный. Зло изначальное.

Нури обернулся. Кащей стоял посередине улицы, и больше на ней никому места не было. Он был упитан, коренаст и монументален, а роста ниже среднего. Та часть, которой он ел, была хорошо развита и производила сильное впечатление. Та часть, которой он думал, была узка. Промежутки между ними заполняли зеркальные очки, в которых отражалось то, на что он смотрел. Сейчас в них отражался мастер и Нури рядом с ним. Кащей подошел вплотную.

— Тут мы в свое время что-то недодумали, — сказал он. — Что-то мы упустили, если тебя, Гасан, в свое время не наказали, не отлучили и не выгнали. Нам надо по-большому, по-крупному, нам надо, чтоб было что показать в комплексе. А ты ерундой занимаешься, мелочевкой, отдельными, видишь ли, игрушками. А игрушка — она отвлекает. От выполнения. А?!

Это «А» произносилось на выкрике, как бы в отрыве от остального текста, и придавало словам Кащея мучительно хамский оттенок. Было понятно, что Гасан с его заботами о чурбаках, с его игрушками — для него, Кащея, раздражающе малая величина.

Усы мастера обвисли, он молча смотрел под ноги, где на траве беспомощно валялся диковинный зверь, и не решался подобрать его. Ибо от века так: работник, творящий новое, беззащитен перед наглостью и хамством.

Нури покраснел, ему стало стыдно, словно это он сам обидел старого мастера. Он подумал, что, конечно, Кащей — осколок прошлого, не более, и к тому же его уже уволили. Но Нури знал и видел: здесь, в Заколдованном Лесу, с Кащеем предпочитают не связываться, ибо он сумел каким-то образом внушить многим, что отставка его — дело временное...

— Вы хотели оскорбить мастера, Гигантюк, вам это удалось, — сказал Нури. — Не словами, они не имеют смысла. В игрушках, как и во всем остальном, вы не специалист. Оскорбили тем, что взялись судить о его деле, тоном своим оскорбили. Я не требую от вас извинений, уйдите. Вы завистник, вы мне противны.

Гигантюк ощерился.

— Чему завидовать, вот этому? — носком башмака он ковырнул зверя. — Масштаб не тот. Помню, мы из нержавеющей стали соорудили семь на восемь — вот это да! Далеко было видно. Убрали... Говорят, безадресный. Но ничего, Сатона снимут, обелиск восстановим. А о вас я слышал. Вы — Нури, бывший кибернетик. От науки, значит, ушли. А куда пришли? Вот то-то... — Гигантюк стоял, раскачиваясь. — Меня не интересует мнение бывшего. А я есть и буду!

Он двинулся посередине улицы.

Нури поднял зверя.

— Возьмите, Гасан. Вы великий мастер, верьте мне...

После Гигантюка разговор их как-то погас. Гасан-игрушечник сел за работу и тем утешился. Для мастера работа всегда и цель и утешение. А Нури пошел к отведенной ему избе, возле которой его уже ждал Иванушка. Он боком сидел на широкой спине ездового хищника — Серого волка и готов был все показать и обо всем рассказать.

Что может старик Ромуальдыч, Нури узнал к концу экскурсии, когда попутно выяснилось: придется-таки ему остаться в Заколдованном Лесу. Естественно, по доброй воле и неизвестно, на какой срок.

Управляющий комплекс разместился в обширном зале со сводчатыми потолками. Помещение комплекса было вырублено в основании утеса с поросшей соснами макушкой и смотрело фасадом на небольшую нехоженую поляну. Фасад, выложенный из слоистого песчаника и заросший плющом, почти сливался со скалой. Только выходящую наружу покрытую ином петлю криогенной электролинии Нури воспринимал как диссонанс в этой совершенной гармонии ландшафта и техники.

Старик Ромуальдыч, задумчивый и грустный, сидел за подковообразным пультом, обрамленным экранами. Деревянная скамья под ним тоскливо скрипела.

— Так-с, посмотрим, что у нас на выходе...— Нури встал внутри подковы, отодвинул в сторону свисающий на толстом кабеле шлем с присосками. Все было знакомо—и шлем электронного стимулятора умственной деятельности, попросту шапка ЭСУДа, и вогнутые экраны «Кассандры». Пальцы привычно забегали по клавиатуре пульта. На экранах сразу выявились странные фигурки, похожие на волосатую букву «Я». Они деформировались и расплывались, то теряя очертания, то приобретая голографическую рельефность. Старик Ромуальдыч, передергиваясь, вытянул длинную руку и, ткнув в клавишу костлявым пальцем, стер фигуры. Но из призрачных глубин экранов бездарным порождением убогой фантазии выплывали новые уродцы.

— Мерзюиды! Сплошные мерзюиды!— забормотал старик Ромуальдыч.— И делаю я многое сему подобное, взоры оскверняющее...

— Над задачами воссоздания бо-о-льшие коллективы работают, а вы тут в одиночку...— Нури переключил прогнозную машину на анализ эволюции буквообразных уродцев.— Вот и шапкой вынуждены пользоваться, а ЭСУД ведь не для этого, он для экстренных случаев... Вы хоть понимаете, сколь невероятно сложна программа восстановления?

— Нам понимать ни к чему. И шапка у нас не затем, чтоб думать, а для вложения души. Мы проблему нутром чуем. Энциклопедисты-примитивисты, вот мы кто. А программа что... нам ее готовую дали.

— Как — готовую?

О программах Нури знал все, поскольку в воспитатели поднялся с должности генерального конструктора большой моделирующей машины. С тех пор прошло почти пять лет, но знания—это поражало его самого—остались... Однако разве кто-нибудь работал над программой создания сказочных форм? Такие вещи втайне не делаются.

— Кто вам ее дал?

— Директор ИРП, кто ж еще. У вас там по этой программе все и воссоздается. И эта, виверра, и карликовый бегемот...

— Товарищ Ромуальдыч,— цыганский надрыв в голосе Нури был неподделен.— Эти ж программы для реальных форм! А у вас—сказочные!

— Э, все едино. Это нутром надо чутя.

— Ага!—Нури увидел, как буква «Я» утолщилась снизу, а в кружочке возник и замигал

кошачий глаз.— О нутре—это я понял. Но как по программе для реальных форм вы умудряетесь получать формы сказочные—вот чего я понять не могу. Откуда, к примеру, дракон?

— Сие тайна великая есть.

— Повторяетесь. Про тайну и Иванушка говорил.

— Тем более, тем более,—забормотал старик Ромуальдыч. Глаз его задергался, словно перемигиваясь с буквой «Я», которая, перепрыгнув на экран центрального дисплея, превратилась в мохнатый колобок, мигнула последний раз и бесформенно сплюснулась.— Коли двое говорят, надо прислушаться. Иванушка чист душой.

— Я тоже чист. Но, как сказал Неотесанный Митяй, толку-то? Одной душевной чистоты мало, еще и работать надо уметь.

— А вот когда, к примеру, напряжение падает, что мы имеем? То-то! У вас там крупные комплексы вводятся, а у нас Кашей врываемся, скандалит, говорит, темно ему, он, видишь ли, по ночам мемуары пишет, чтоб всех, значит, на чистую воду... Порядок это? Я не про Кашея, я про другое. Ты, допустим, кистеухую свинью в вольере смотришь, хорошо это? Отвечу—хорошо; потому как сознаешь: есть кистеухая свинья и живет на планете той же, что и ты, человек.

— Отлично сказано!—воскликнул Нури.

— Вот. А ежели ты тянитолкая от носов к середине в две руки гладишь? Отвечу—тебе еще лучше, потому что он из сказки. А у нас—перерывы в энергоснабжении, это как?.. А ты на спевке тютелек был?

Нури, прикрыв глаза, вслушивался в бормотание старика Ромуальдыча. Какая-то система во всем этом должна была быть—в подходе к проблеме, в действиях жителей Заколдованного Леса, малопонятных, но, видимо, имеющих свою логику.

В конце концов, что ни говори, а продукцию-то они дают. А может, им действительно легче, ибо кто знает, каков дракон был в натуре? Вывел нечто чешуйчато-перепончатое и, пожалуй-ста, дракон. А докажи! Но кто, собственно, сомневаться станет? Поразительно: методы сомнительные, а столь впечатляющие результаты...

Был Нури на спевке тютелек, именуемых также дюймовочками: Иванушка сводил его в доступные посещения места и кое-что показал. Дюймовочки, разместившись вокруг низкого пня на кочках и цветах дикого подсолнуха, разучивали что-то знакомое и жужжащее. Домашний шмель перелетал от одной группы дюймовочек к другой, предлагая смешанную с нектаром

пыльцу, которую налепил себе на бицепсы задних ног. Все это можно было увидеть и услышать, если хорошенько присмотреться и прислушаться, но Нури умел присматриваться и умел слушать.

— А вот дуб железный, еже есть первопопсажен! — сказал Иванушка.

Дуб был огромен, и обозреть его было нельзя, не потеряв шапку с головы. В невозможной высоте темнело дупло, в котором, как утверждал Иванушка, дремала змея Гарафена. Но ту змею никто не видел, а только слышали здесь, как она ползает там.

За самый нижний сук дуба, метрах в пяти от земли, уцепилась передними когтистыми лапами драконесса, положив голову в развилку. На морде ее было написано лучезарное блаженство, поскольку внизу доил ее Неотесанный Митяй. Густое, как мед, молоко тяжело цвиркало в бадью, над которой роились пчелы.

— А говорите, тянитолкаю детское питание нужно. Тут молока на ползверинца хватит!

— Молоко, да не то, — вздохнул Иванушка.

Гребенчатый хвост драконессы тянулся в кусты, а перепончатые прозрачно-черные крылья были мощно растопырены, и сквозь них просматривался багровый диск полуденного солнца.

— Дикая лактация, — леший утер пот с усов. — Драконыш высасывать не успевает, доить приходится чуть не шесть раз в сутки — и все мне, все мне. А чуть задержка — пристаёт к прохожим и, чешите грудь, гудит крыльями и трещит. А у них частота двенадцать герц, инфразвук. Люди пугаются до онемения... Хочешь попробовать?

Неподвижная драконесса чем-то даже привлекала, от нее приятно пахло, и была она теплая и уютная. Нури пытался заменить лешего, но не смог выдоить ни капли.

— Здесь сила требуется, — леший потряс кистями рук, шевельнул пальцами. — Двадцать процентов жирности... Сметана. Пятьдесят процентов фруктозы. Правда, при трехстах сорока градусах, не пугайтесь, по Кельвину, для драконов — нормальная температура, вязкость уменьшается, но все же, ох, нелегко.

Нури вспомнил так называемое коровье поле неподалеку от городка ИРП и ухаживший за горизонт навес, под которым укрывалась от зноя нескончаемая шеренга коров-скороспелок, вспомнил прозрачные трубы молокопроводов, хлюпанье присосок и стерильную чистоту автоматических отсосных станций.

— Доильный аппарат нужен, — сказал он.

— Дракон это! — посуровел Неотесанный Митяй. — А ты к нему с аппаратом, как к буренке.

Соображать надо, а не бухать что ни попадя. Хорошо, она сейчас высоко, не слышит и вообще отключилась.

Нури выслушал чужое мнение и согласился с ним. Розовое и вроде бы мягкое на вид вымя драконессы было на ощупь практически несмитаемым, и только сверхъестественная сила рук лешего позволяла справляться с дойкой...

Показал Иванушка и единорогов. Они дремали в тени цветущей липовой рощи. Нури рассматривал их не спеша, убеждаясь, что тот неведомый скульптор не погрешил против природы ни в единой детали. В холке достигающие двух метров, единороги отличались угадываемой мощью рельефно-сглаженной мускулатуры и чем-то напоминали сказочных белых коней. Чуть выше глаз, почти параллельно земле, вырастал у каждого длинный рог, прямой и тонкий. Гривы их и хвосты рассыпались мелкими кудрями, а опущенные и неестественно для альбиносов черные ресницы бросали пушистые тени на розовые ноздри.

Пораженный дивной красотой, Нури с трудом перевел дыхание и, чтобы как-то прийти в себя, ни к селу ни к городу заметил, что рог — это не совсем удобно, при пастыбе должен мешать, упираться в землю. Иванушка успокоил его: нет проблемы, единороги в основном питаются цветками шиповника и медовой сытой, а пьют росу либо млеко от двенадцатого источника, довольно глубокого.

— А сначала было их три! — произнес Иванушка голосом, от которого у Нури пошли мурашки по коже. — Сказка сказок — единорог!

И больше Иванушка ничего путного не сказал, сколько Нури ни добивался. И заторопился по каким-то неотложным делам, будто есть дела важнее, нежели беседа с гостем. Он косноязычно бормотал что-то о великой тайне, о том, что все подробно расскажет Пан, который есть завлаб. А он, Иванушка, он на выходе и что доставит, тому и рад, вроде как леший семечку. И кто знает, что получится, хочешь сделать добро, а вдруг Василиск выходит. Иначе б с чего Пан кибернетика оттуда звал, сам подумай...

...Нури сделал над собой усилие и вернулся. Старик Ромуальдыч с горестной надеждой щурился на него и молчал, видимо, иссяк.

— И давно у вас сбой? Ну, подобные вот этим, когда система порождает явную нежить?

— Постоянно. Все время нежить рождается, мерзюиды. Но «Кассандра» предупреждает, и мы меняем режим либо мутагены, либо корректируем рецептуру исходного бульона. Потом смотрим, что получается, и отбираем наиболее подходящее. И опять-таки: «Кассандра» дает внеш-

ний вид, а нутряные свойства кто предскажет? Я думаю, не собой это, а заклонило нас от страха, от неуверенности. Потому геном и рекомбинации — это еще не все. Нужен еще один компонент — психополе создателя, ибо от него зависят душевные качества, гм... продукции. Ну, у нас обычно кто менее занят, тот и подключался, какая разница. Надел шапку и сиди себе, вспоминай хорошее, детство там или первую любовь. А тут вдруг — Василиск... Представляете, как это на коллектив подействовало? Я говорю: товарищи, без паники. Зло, говорю, может быть врожденным, и нечего думать, что это кто-то из нас виноват. И мне говорят: правильно, врожденным! А кто породил? Мы! Я говорю: хорошо, пусть мы, но давайте исправим воспитанием. И что? Вроде и еды и заботы в него, гада, было вложено — на семь драконов хватит, а что вышло? Злодей вышел. Теперь не только за себя, мы и за вас за всех боимся.

Нури знал, что характер — это и врожденное, и обретенное в процессе воспитания. У людей. Но, видимо, особой разницы тут нет: и у зверей. Нури помнил, что Василиск, смертоносное зло древних сказок, рождается из яйца, снесенного семигодовалым черным петухом в теплую невозную кучу. Это почти невозможное сочетание начальных условий говорило, что и предки наши считали зло по природе своей явлением редким, исключительным. Полагали, что природа ограничила возможности появления зла, но не ограничила добро. А тогда действительно, откуда же здесь Василиск? Тот самый, о котором скупно, но часто упоминают жители Заколдованного Леса?

Иванушка издали показал: вон там его логово, видишь, где деревья посохли, в болоте; нет, сейчас он не вылезет, следим, раны зализывает...

В неоглядном и щедро освещенном зале синтезирующего комплекса было малолюдно. Нури осмотрел знакомые баранки ускорителей, между излучающими головками которых в плоских стеклянных трубках циркулировал мутный первичный бульон — выходной резервуар его и представлял тот самый котел, у которого трудился Иванушка. Гнездами торчали шарообразные емкости, в которых совершались непонятные реакции, а за тройной, из медной проволоки, защитной сеткой над небольшим бассейном вспыхивали трескучие извилистые молнии — и тогда морщилась поверхность зеленого студня в бассейне. В самых неожиданных местах торчали армированные ясенем окуляры. Возле некоторых в позах созерцания застыли добры мо-

лодцы в шитых бисером кафтанах. Заведующий лабораторией Пан Перунович пояснил, что это вот — стажеры, которые пытаются постичь, а вот это — выводы оптических преобразователей, которые дают приблизительные зрительные аналоги происходящих процессов — пока, а может быть, и в принципе, ненаблюдаемых.

— Обратите внимание: реакторы, в которых мы расщепляем спирали ДНК. Конечно, используем весь генетический фонд Земли. Продукт расщепления — основной ингредиент первичного бульона. Отсюда он, смешиваясь с катализаторами, ускоряющими обмен генетической информацией между различными видами живого, поступает в котлы горизонтального переноса — главное, чем мы располагаем.

Пан Перунович, тщательно выбритый, совсем не похожий на прочих жителей Заколдованного Леса, снял с головы золотой обруч и повесил его на палец.

Вдоль стен и на потолке, образуя причудливые переплетения, тянулись разноцветные трубы котлов горизонтального переноса. В этих конструкциях была овеществлена давняя идея: все живое находится в генетическом родстве, между любыми живыми существами происходит в той или иной форме перенос наследственного материала, и это, — первый этап и основа эволюции.

— Почти точная копия нашей лаборатории революционной эволюции, — сказал Нури. — Я буду признателен, если вы поясните, как с помощью этой традиционной аппаратуры вам удается получать устойчивые сказочные формы жизни? Только не говорите, что сие тайна великая есть. Про тайну, про нутряное чутье, равным образом о кондовости, о необходимости опроститься я уже много раз слышал. Хотелось бы выяснить, наконец, от кого та великая тайна? И почему ее от меня скрывают?

Пан Перунович долго и со вкусом смеялся.

— Призывы к кондовости, — заговорил он, — сами по себе безвредны и не более чем отзвук ушедших в прошлое дискуссий между возвращенцами и прогрессистами. Если помните, первые, которых всерьез никто не принимал, звали чуть ли не в пещеры. А вторые — к отказу от напрасной, по их мнению, траты усилий и средств на сбережение естественной природы, поскольку человек неплохо чувствует себя и в окружении искусственном. Да, запакостили природу, ну и что, живем и сыты! Соблазн велик — урвать без отдачи, именно так поступали предыдущие поколения, а каких высот достигли! Опорой на опыт и были сильны прогрессисты... Но человечество уже поумнело. Оно, Нури, стало добрее.

А доброта — это и способность к самоограничению. Пришла пора отдавать долги природе, и вы знаете, что центры реставрации множатся не по дням, а по часам на всех материках, и на островах, и на морском дне... Прогрессисты увяли, сейчас от них и следа не осталось. А возвращенцы — они и вам встречались. Да пусть их... Ну, а великая тайна — это то, чего мы никогда не узнаем, поскольку постигнуть все нам не дано. И конечно же, воспитатель Нури, мы ничего от вас не скрываем, да нам, собственно, скрывать нечего и незачем. Методы наши, как вы уже поняли, те же, что и у вас. В основном это горизонтальный перенос наследственного материала, перебор комбинаций и — наша заслуга — метод вертикального развития зародыша от любой фиксированной нами стадии. Мощнейший, скажу вам, метод, он нам позволил получить Жар-птицу, единорогов, дракона и других легендарно-сказочных животных. С программой возится старик Ромуальдыч, но он, в сущности, дилетант. Крутит ее и так и этак... Как генетик, я знаю, что действительно новое появляется в результате случайного перебора. Но для этого должна выпасть воистину счастливая случайность, флуктуация на сером фоне равновесности. А у нас получается не так уж редко, и это ставит меня в тупик. Впрочем, сейчас уже не ставит, сейчас мы больше не работаем...

— Тут я вам помочь бессилён, если вы перестали работать. Я немного разбираюсь в программировании и конструировании моделирующих машин, но и только...

— Вы умеете сочинять сказки — редчайшее качество.

— По совести, это мне дается с трудом.

— Вы воспитатель дошколят, для нас это самое важное.

— Ага, потому что сам верю в сказку?

— Да. И понимаете ее важность в деле экологического воспитания молодого поколения...

Пан Перунович говорил что-то еще, но Нури его уже не слышал. Он замер, как при встрече с драконом. Суждение Пана Перуновича было глубоким и нетривиальным: любая сказка — и Нури не нашел исключений — имеет всегда экологический подтекст. И само собой разумеется, что воспитатель стремится воспитать доброту как основное качество человека. Доброта же не беспредметна и проявляется в стремлении защитить слабого, сильный сам защищает себя. Но что беззащитней цветка или животного? И Нури подивился глубине предвидения мудрецов, которые сочиняли сказки еще в те времена, когда о разрушении природы и речи не было. Уже

тогда Иван-царевич и волку помогал, и медведя не обижал, и для зайца морковки не жалел...

— Я подумаю, — сказал Нури.

— Да, конечно. Я вот тоже все время думаю, почему в условиях информационной скудости природы — ведь знания даются так дорого — геном помнит изначально и хранит в себе потрясающую по объему библиотеку программ, которая отражает весь исторический путь развития организма? Но эти программы не используются... Тогда зачем они?

— Я подумаю, — повторил Нури. — Только сдаётся мне, что не мнение мое по коренным вопросам генетики интересует вас.

— Вы полагаете?

— Вот именно. Полагаю, что у вас крупные неприятности с Василиском. Мне старик Ромуальдыч намекнул.

— Это так, Нури, это так... Сами на себя беду накликали, но кто мог знать? Мы в своей работе широко используем древние рецепты, иногда с успехом, чаще без. А тут у кого-то в поселке неожиданно закудахтал черный петух семи годов от роду... Естественно, мы решили воспользоваться моментом. Технология несложная, мы ее воспроизвели...

Пан Перунович владел и словом, и жестом: Нури четко уяснил, как все оно было.

Вот именно, они действовали точно по рецепту. Дождались, пока петух снес яйцо, и закопали его в кучу навоза, находящуюся в стадии брожения и потому теплую внутри. Надо полагать, что последующие мутации возникли как результат комплекса факторов: температура, бактериологическая среда вызревания, первоначальная гормональная перестройка в организме петуха... На двадцать первый день яйцо с треском лопнуло, и вылез из него глазастый рогатый змееныш — так, в два пальца длиной. Тут же его — в террариум. Солнце там искусственное, песочек, водичка и все, что маленькой змее требуется. Террариум поместили в волновую камеру, никто из создателей на радостях домой не уходит, и все по очереди на себя шапку ЭСУДа надевают, чтобы, значит, на змееныша своим психополем воздействовать. Чтобы ему добрые намерения и ласковый характер привить и тем зло посрамить, а добро восславить!

Однако прошло немного времени, и все как-то попривыкли. Ну, Василиск, он и есть Василиск, славно, конечно, что древние рецепты не обманули, и еще лучше, что сказка лишней раз явью обернулась... Но ажиотаж приутих.

Рассмотрели как-то попристальней, а он уже на полметра вытянулся, рожками шевелит, гла-

за такие зеленые с фиолетовым отливом, капюшончик бородавчатый раздувается.

Неотесанный Митяй тогда с шапкой на голове у террариума сидел и представлял себе приятное: как это он в лунную ночь вдоль зарослей разрыв-травы из Леса ползком — и на той стороне желуди и каштаны все сажает, сажает, и будет там дубово-каштановая роща, и кто придет, тому будет радостно в ней... Хорошее представлялось легко — верный признак, что змееныш в контакте с донором и воспринимает от него охотно. Глядь, а змееныш на хвосте приподнялся, раскачивается. Любопытно стало лешему, и протянул он руку. Василиск тут же свернулся кольцами на ладони — и ничего, только холодит ладонь, но это уж от него не зависит. Тут убедились, что все в порядке, все ладненько, приласкали змееныша, покормили, он заснул. А творцы хором подумали: это хорошо!

А был день пятый, и все разошлись. Только Неотесанный Митяй еще долго сидел, аж до сумерек. И думал о единорогах, он о них часто думал... Что хорошо бы — их много было, и расселить бы по лесам и степям, чтобы не только здесь, а везде. Чтоб каждый мог в яви увидеть, как бежит единорог и дышит, вздрагивает под ним земля. Увидеть, и тогда уйдут суетные мысли, и люди постигнут чудо и красоту, что всегда рядом... надо только уметь видеть. Неотесанный Митяй часто думал о том, как странно все на свете, как сложен мир — и люди, и звери... что простоты не бывает, мы сами придумываем ее от нежелания или отсутствия привычки мыслить, а еще оттого, что нам, людям, все некогда...

— При мне порядок был! — Леший вздрогнул. Он и не заметил, как, широко шагая, вошел возмущенный Кашей. — Я говорю, при мне порядок был, а тут светильники едва тлеют. А может, я тоже работаю по-большому. А!?

Кашей совсем не смотрелся здесь, в детской, где стояли в ряд волновые камеры предвоспитания, остекленные подкрашенными кварцевыми пластинами и потому похожие на громадные теплые кристаллы. Возле камер располагались кресла, над которыми свисали шапки ЭСУДа, перестроенные на усиление излучений психополя. Увы, камеры обычно пустовали, демонстрируя числом своим избыток оптимизма у создателей.

Леший мрачно оглядел Кашея: нет, не изменился, воистину бессмертен... ЭСУД среагировал на понижение напряжения в сети и отключился сам. Леший снял шапку, отлепил присоски. Конечно, он, Неотесанный Митяй, коль задержался здесь так поздно, мог бы считаться чем-то вроде дежурного. И мог бы объяснить, что если

диспетчер иногда вынужден ограничивать подачу энергии, то это можно понять и оправдать. Но об этом не раз говорилось Кашею — и все без толку. Кашей обладал удивительным свойством: умел отключаться, когда ему разъясняли то, что он не хотел слышать. Когда же собеседник, изложив доводы, замолкал, Кашей извлекал из себя ключевую фразу: «Вы меня не убедили». Он никогда не возражал по существу, поскольку для этого требовалось думать. Соглашаться же он не любил, так как полагал, что это роняет его руководящее реноме.

Ключевая фраза действовала ошеломляюще. Как правило, собеседник, обманутый человеческим снаружи обликом Кашея, начинал второй заход — с тем же результатом. Замы выдерживали иногда до пяти попыток и уходили, тряся головами.

— ...На покое Кашей сохранил привычки, — продолжал свой рассказ Пан Перунович. — И леший об этом знал. Он молча выслушал упреки и угрозы, причем Кашей не унялся и после того, как дали свет. А потом Кашей стал хвастаться, как он внедрял почасовое планирование научной работы, и тут Неотесанный Митяй сорвался и сказал... поймите правильно, Нури: конечно, леший грубоват в чем-то, хотя в целом добр и всех приемлет... нет, я не оправдываю его...

— Так все же что сказал леший? — не выдержал Нури.

Пан Перунович вздохнул.

— Леший... посоветовал ему заткнуться. Да. И ушел. Нури, он думал о красоте, а тут Гигантук, которому плевать на красоту...

— А я лешего не осуждаю, — сказал Нури. — Доведись мне, я бы тоже...

— Я понимаю, — Пан Перунович долго с чувством жал руку Нури. — Я понимаю, это вы так, чтобы меня утешить, а все равно приятно. Вы у нас человек новый, прямо оттуда, и ваше мнение для нас вдвойне дорого. В конце концов все, что мы здесь делаем, это ведь для вас. Реальный мир не может без сказки. Он, не побоюсь сильного выражения, без сказки пропадет, и вот тут нам важно знать ваше мнение: то ли мы делаем, получается ли у нас?

— Получается, — заверил Нури. — То, что нужно. Это не только мое мнение. Вашу деятельность высоко оценивает и секция социологов из акселераторов ползунковой группы.

— Приятно слышать, Нури! Так на чем мы остановились? Да, на Василиске...

Случилось это вскоре после конфликта лешего с Кашеем. Надел раз Пан Перунович шапку, подключился, а контакта нет.

Змееныш шипит, глазки сузились, поблескивают неприятно. «Может, я не о том думаю?» — решил Пан Перунович и стал вспоминать приятное: как они выводили Жар-птицу. Цыпленок был покрыт редким розовым пухом, светился в темноте и обжигал ладони, когда его брали в руки. Не знали, чем кормить, и зря старалась подсадная мачеха-курица, склеивая рядом пшеничные зерна: цыпленок стучал каменным клювиком по зернам, но не брал их. Все впали в траур. С таким трудом вывели, а чего стоило создание термостойкого белка — о том только Сатон мог бы рассказать, это он координировал деятельность целого куста НИИ, которым была поручена работа над белком! А что вы думаете, сотворить сказку без привлечения науки... И подход бы цыпленок Жар-птицы, когда б не Иванушка. Как раз у него был день рождения, и заявился он в детскую в новом кафтане. Видит, цыпленок уже на боку лежит — еще, правда, горяченький. Так жалко ему стало... Цыпочка ты моя, говорит Иванушка и берет цыпленка в руку, кладет на ладонь, а тот один глаз приоткрыл и последним усилием — хоп, и склонул с манжеты жемчужину! И вторую!

— Понимаете, Нури,— разволновался, вспоминая, Пан Перунович,— ведь это взрослая Жар-птица и зерно клюет, и сердоликовую гальку в ручьях находит, а пока она цыпленок — только мелкий речной жемчуг потребляет! Но мы-то откуда могли это знать, ни в одном же источнике не указано... Сижу перед змеенышем, вспоминаю эти прошлые наши заботы-хлопоты. И тут мне подумалось, вы не поверите, Нури... Мне вдруг подумалось: ну и пусть, ну и подход бы цыпленок — и черт с ним, возни меньше было бы, а то у всех волдыри на руках от ожогов, тоже мне, забота... Смотрю, а змееныш ощерился, два верхних зубика вперед выступают, и в щелочке между ними капелька такая прозрачная висит. Передернуло меня от отвращения, и злоба в сердце поселилась. Ищу глазами, чем бы змееныша по головке стукнуть, и вижу — у соседней камеры мерный стержень стоит, но не дотянуться мне до него. Сдернул я шапку, только присоски чмокнули, схватил стержень... Держу его и думаю: чего это я так? И страшно мне самого себя стало... Вы, Нури, уже поняли — контакт установился. Только в обратном порядке: не я на него, а Василиск на меня своим психополем действовал. Представьте, какова же сила злобы в маленьком змее была, если он на меня из камеры смог подействовать и такие гнусные мысли во мне пробудить! Пан Перунович помолчал, успокаиваясь.

— Ну, а дальше? Что ж, дальше все было,

как и должно было быть. Всем коллективом думали, а понять не могли, как это так получилось, что добро змее внушали, а зло выросло. Старик Ромуальдыч за ночь перемонтаж сделал, пять шапок подключил, а утром мы, уже впятером, стали вокруг камеры, шапки надели... но только ни о чем хорошим не думается, всякая ерунда в голову лезет, и вроде как слышу я нелестные мысли лешего обо мне... а что обо мне Иванушка думает, того и не высказать! Ну, и я... тоже подумал: что там — Иванушка, дурачок — он и есть дурачок, что с него спросишь... Леший первый понял, снял с себя шапку, оглядел нас исподлобья, вздохнул и ушел. Такие дела... Не одолели мы Василиска, он нас одолел. Потом, конечно, мы еще пробовали, чаще — в одиночку и почему-то тайком друг от друга... Ничего не получилось. Да и к камере приближаться стало трудно: поле злобы вокруг нее, и ничто это поле не экранирует. И поняли мы, что пустили на землю зло. Не желая того, но разве это оправдание! А Василиск, видим, растет, пришлось строить вольер — конечно, за территорией поселка. Пока туда камеру с Василиском тащили, все переругались, чуть до драки не дошло. Втащили, отошли подальше, помирились и длинной веревкой, что привязали заранее, открыли крышку... Василиск выполз на зеленую траву, длинный и страшный, как смертный грех. Подполз к сетке, уставился на нас, и мы попятиться, охваченные ужасом от нами содеянного. А ведь мы еще не знали тогда, что он растет непрерывно, пока жив... Вольер был открыт сверху, и мы видели, как свалилась пролетающая птица и как Василиск проглотил ее, не дав упасть...

Тяжко вздохнул Пан Перунович, вытер холодный пот и продолжил рассказ:

— Что нам было делать, как поступить? Убить Василиска? Но кто решится! Мы прекратили работу, Нури. Сейчас это не работа, это мы так, суетимся понемногу. Последним появился тянитолай, и мы сразу отдали его вам, поскольку разуверились в собственной способности сотворить добро воспитанием, поскольку, как говорит Иванушка, погрязли в грехах и эгоизме. Через мягкий знак произносит это слово, чтобы обиднее было, и правильно, если мы до того опустимся, что друг друга подозревать стали. А разве не погрязли, а Василиск-то откуда? Мы каждый день смотрели на него издали. Змей наваливался на сетку, она прогибалась, и мы понимали, что ему ничего не стоит порвать ее. Так и случилось... В одно утро вольер оказался разрушенным, и след тянулся через перелески за озеро к болоту. Заметный, скажу вам, след!.. В озере плавала сверху брюхом отравленная рыба, на

берегу мы обнаружили останки птицы Рух, разорванной пополам. Олень-золотые рога, у нас их всего два было, валялся бездыханным. Было у нас дерево райское, гордость Леса: на одном боку цветы расцветают, на другом листья опадают, на третьем плоды созревают, на четвертом сучья подсыхают. На нем всегда Жар-птицы гнезда вили. Так это дерево оказалось словно раскаленной железной полосой опоясано и надломлено, потеря невозместимая! А на зеленом островке посреди болота, где обосновался Василиск, деревья усохли. И всю эту беду Василиск натворил между делом, просто так, ведь животные даже не были съедены...

В Заколдованном Лесу к трагедиям не привыкли. Звери в большинстве питались растительной пищей, а хищники промышляли помалу и без явного злодейства. Так, ежели Серый Волк по случаю задирает овечку, то какую похуже и обязательно перед тем безвыходно в лесу заблудившуюся. А чтобы вот так — р-р-раз, и готово! — этого не было, этого себе никто не позволял. Объяснялось это просто. Сказочные формы жизни едва нарождались, и потому еще на стадии предвоспитания творцы внушали всем необходимость сдерживать до поры природные инстинкты.

Злодеяния, учиненные Василиском, привели население Заколдованного Леса в состояние длительного шока. Мирная жизнь была в одночасье сломана, идиллическое течение ее нарушено. Тоскливое ощущение вины нависло над поселком, животные жались поближе к той рощице, где обитали единороги. Даже Яр-Тур, страху не знающий, вылез из чащобы и пасся в пределах видимости. Звери чувствовали, что если кого и опасается Василиск, так это единорогов. И действительно, в свое болото змей заполз не по прямой, он далеко обогнул рощу с единорогами. Это было видно по следу: где он полз, там пожухла трава.

— Я видел такой след, — сказал Нури. — Там, за территорией Леса. Возле памятника единорогу.

— Это не памятник, воспитатель Нури...

В болоте было душно и тихо. Совсем недавно в нем кипела жизнь, орала по ночам лягушка, по краям, где рос камыш и вода была прозрачна, бродили цапли; на островке в кроне сыр-дуба куковала кукушка, что подкидышем росла, хлебнула горя и теперь, всех жалея, любому накуковывала несчетное число лет. Василиск отра-

вил воду, убил цапель, которые не успели улететь, дохнул вверх и спалил кукушку. Болото вскоре стало черным и зловонным, Василиску было в нем уютно.

Он быстро рос, наливаясь силой и злобой, как и положено царю змей Василиску.

Змей смутно помнил что-то светлое и теплое — это было в полузабытом прошлом, когда не было болота и безлистных деревьев; жило в нем и слабое воспоминание о том, как тепло внезапно исчезло и он пробудился в равнодушии и холоде и стал злым — и это сразу стало привычным. Так было, а может, и не было, все едино... Высоко в небе кружился ворон, он все время там кружится. Змей брызнул ядом, не достал... Ладно, еще успеется. И он пополз через болото туда, где была жизнь, которую можно убить.

— Так было, Нури. Василиск полз к поселку, а Ворон летел над ним и кричал. Мы могли уйти из поселка, в помещении синтезирующего комплекса всем места хватало бы, но нам стало стыдно — и мы остались... Ворон тревожно кричал в вышине, мы его слышали, и Неотесанный Митяй услышал. И привел к поселку единорогов. А змей уже выползал из леса, и казалось — ему не будет конца. Потом он свернулся кольцами, вытянулся вверх, и голова его раскачивалась на уровне вершины старого кедра. Он увидел всех нас и увидел единорогов, что стояли на склоне, заслоняя поселок. И смутились наши души, ибо перед нами было нами порожденное зло — фиолетово-черный Василиск. И нами порожденное чудо — единороги в боевых позах, розовые в предзакатных лучах. Картина была неповторима, этого нельзя забыть... Василиск, видимо, понял, что здесь ему хода нет. Он страшно зашипел и скрылся в зарослях...

Нури слушал и словно видел Василиска, уползающего в сумрак леса от людей и зверей в одиночество, которое никому не может быть желанным. По следу его потом установили, что он долго кружил вокруг поселка — кусты, в которых он укрывался, засохли, — смотрел, как леший доит драконессу и как возится Иванушка возле котла. Это было ночью, люди ощущали его тревожное присутствие еще и потому, что все время с места на место переходили единороги, заслоняя собою людей и животных. А когда рассвело, Ворон закричал, что Василиск прополз под завесу и ушел туда:

— В ми-р-р!

Это было самое плохое, что только могло случиться. Кто допустит, чтобы по его вине уве-

личилось в мире зло порожденное? Кто возьмет такой грех себе на душу? И леший послал вслед змею единорога.

Говорят — это был единственный случай прямого прохода: единорог не пополз вдоль зарослей разрыв-травы, он кинулся напрямик и проломил защиту. Василиск затаился в кроне дуба — видимо, учуял погоню. И Лес дрогнул, и далеко окрест было слышно, как единорог ударил плечом по дубу и сбросил Василиска вниз. Никто этого не видел, только земля была взрыта там, где Василиск бил шипастым хвостом, и была обгоревшей — там, куда попадал его страшный яд, перед которым ничто живое не могло устоять. Но когда единорог был еще малышом, леший самолично искупал его в воде, взятой от девяти рек. И он устоял... сколько мог. Нет, сражения никто не видел, но рычание единорога, грохот битвы раздавались за пределами Леса, улетели испуганные птицы, и далеко бежали лесные звери, а в городке ИРП этот грохот воспринимался как отдаленные раскаты грома. Потом, когда настала тишина, многие видели, как полз в свое болото Василиск, покрытый ранами. Он не прошел.

А единорог остался по ту сторону завесы. Он не упал, он прижался к дереву, цепенея от странной боли и ощущая, как каменеют мышцы и кости. И он, конечно, умер еще до того, как произошло в тканях полное замещение углерода на кремний, ибо именно к такой перестройке клеток приводило глубокое отравление ядом Василиска.

Все это случилось десять дней назад и полностью деморализовало коллектив. Сейчас каждому из создателей кажется, будто это он сам виновник зла, будто чуткий змей воспринял то плохое и темное, что каждый таит от самого себя в недоступных глубинах души. Василиск затаился безвылазно, и что с ним делать — никто не знает...

— Вернемся к началу, — сказал Нури. — Конкретно: что вы от меня хотите?

Пан Перунович долго молчал, наконец проговорил:

— Я знаю, вы можете принимать решения...

— Ничего себе, — невежливо сказал пораженный Нури. Перед ним был муж благостен и добронравен. Из тех, что, ожегшись на молоке, дуют на воду. Белый, как дилия, халат, нет, не халат, хитон! Белые же, хоть и редкие, но волнистые волосы под изящным обручем, глаза серые, внимательные и до невозможности добрые. В них растерянность, от самого себя скрываема. Что там темное может быть в его душе, сплошная белизна... Нури крякнул и отвел взор.

За вас, значит, принять решение? Скажите, а может, он уже того, отдал концы? Подох?

Пан Перунович пожевал губами и непривычно кратко ответил:

— Жив.

Ближе к вечеру, когда солнце еще не село, но длинная зубчатая тень от тына уже дотянулась до огородов, Нури сидел на крыльчке и ждал. Говорящий котенок по-хозяйски расположился на колене и так упорно молчал, что Нури начал сомневаться: говорящий ли? В отдалении в открытых воротах неподвижно стоял Кащей, опираясь на трость. Может быть, любовался закатом. А может, что Кащеею закат, стоял просто так. Черный его силуэт смотрелся как вертикальное начало собственной горизонтальной тени. От летних кухонь кое-где поднимался синий пахучий дымок — это готовили поздний ужин любители поесть перед сном: деревня старалась жить так, словно ничего не случилось.

Нури был полон дневных впечатлений и отстраненно думал, что вот заботы жителей Заколдованного Леса уже становятся и его заботами и не вмешиваться он уже не может. Возможно, эта вынужденная пауза в их деятельности — только на пользу: все не было времени оглянуться, подумать, а оказывается, и древние рецепты надо применять с осторожностью... Любопытно: раньше каждый был уверен, что коллега-сосед «чист душой». Теперь это обстоятельство не то чтобы подчеркивалось, но упоминалось достаточно часто, чтобы обратить на него внимание. Каждый словно старался показать, что в чужой непричастности у него сомнений нет. И действительно, ну какое зло мог внушить Василиску Гасан-игрушечник или Неотесанный Митяй? Вот они, кстати, идут рядом и ладком от дома мастера. Нури пересадил котенка на коврик, поднялся.

— Добрый вечер, мастер. Мир вам, леший.

— И вы здравствуйте...

— Я ждал вас. Я пойду с вами. — Нури не спрашивал разрешения, он просто поставил в известность: пойду.

— Да, конечно, я сразу понял — вы пойдете! — сказал Гасан-игрушечник. Леший промолчал, только поправил холстину, которой была закрыта порядочная по размерам бадья.

При виде лешего Кащей посторонился.

— На болото? — прохрипел он вслед. — Грехи заглаживать? Подождите, Василиск еще вам покажет, уж я-то знаю!

— Чешите груди! — сказал леший, не оборачиваясь.

До болота путь был неблизок, и всю дорогу леший возмущенно бурчал, вроде как себе под нос: и откуда такие берутся, как этот Кащей, и как это люди ему позволяют, и где тот чиновник, который первым вывел Кащея на руководящую дорогу? Конечно, если в масштабе всего Леса, то кашеевы пакости ровно бы невелики с виду — ну, там рощу срубил, мастера обидел, дело доброе болтовней подменил; но ведь пакость — она безразмерна...

— А по-моему,— сказал Гасан,— Кащей не ставит целью специально учинить пакость, а действует в соответствии со своими убеждениями. Он искренне верит, что монумент с призывом важнее рощи, что показуха важнее дела. Он тем и страшен, что искренен!

Болото для лешего не было препятствием. Он уверенно перешагивал короткими толстыми ногами с кочки на кочку, держа на отлете бадью. Гасан-игрушечник и Нури шли за ним след в след, стараясь не ступать в зловонную жижу.

— От кого вы узнали, что это мы выхаживаем Василиска?

— Никто мне этого не говорил, мастер. Я сам прикинул и понял: кто-то должен, иначе бы змеей подох. Ну, а кто здесь может, кроме вас?..

Василиск лежал, полукольцом опоясывая бесстрашный островок, треугольная голова его придавила ствол поверженного дерева. Нури в принципе не верил в порожденное зло и, может быть, поэтому не ощутил того поля злости, о котором так красочно рассказывал Пан Перунович. Конечно, большая змея, о которой к тому же известно, что она ядовита; вызывает к себе неприязненное отношение, но как может быть зло врожденным и беспричинным?.. Не поднимая головы, змей слабо цвиркнул ядом, промахнулся и прикрыл мутные глаза. Выступающая из болота часть туловища была обклеена большими заплатами пластыря, они ярко выделялись на темной грязной чешуе. Неотесанный Митяй зашел слева и неуловимо быстрым движением оседлал Василиска. Он ухватил змея за ороговевший край капюшона и резким движением приподнял его голову. Раскрылась огромная пасть, беспорядочно утыканная вывернутыми вперед клиновидными зубами.

— Давайте!

Нури подтащил неподъемную бадью с драконьим молоком, а Гасан-игрушечник, отбросив холстину, стал лить его ковш за ковшом в черно-розовую пасть, стараясь не коснуться зубов, скользких от яда.

— Все сразу! — натужно выдохнул леший. — Трудно держа?...

Нури и Гасан вдвоем подняли и опрокинули

в пасть бадью, молоко — как в воронку — втянулось в горло. А потом, взявшись за концы, они длинной жердью прижали нижнюю челюсть змея к земле и, когда леший слез с него, быстро отбежали в стороны.

— Он уже почти здоров,— сказал леший. — Оклемается, гад!

Василиск лежал недвижим и не пытался даже плюнуть вслед. Драконье молоко действовало как панacea, нейтрализуя не только болотный, разъедающий раны яд, но и яд собственный. Тот, от которого каменеют.

Нури жил в Заколдованном Лесу уже вторую неделю. Время пролетело незаметно — как в старости, хотя до нее Нури было еще далеко. Он часто бывал в лабораториях, постигая популярные азы биотворчества. Кроме котлов горизонтального переноса, использовали здесь весь набор известных методов воздействия на наследственное вещество. И странно было видеть на экранах «Кассандры» поразительную птицу, которую можно было бы получить способом вертикального развития эмбриона кошки. Конечно, от дальнейшей работы над такой птицей пришлось отказываться, чтобы не порождать чудовищ, неожиданных и на Земле никому не нужных. А хотелось, неудержимо хотелось! Это самое трудное в работе творца — подавленное желание, вынужденная необходимость переступить через себя и отказаться от возможного, признав его ненужным. Как знакомы были они кибернетику Нури...

Он сдружился с лешим и часто сопровождал его в лесу и в поле. Неотесанный Митяй больше молчал, бродил, смотрел за порядком, часто присаживался на корточки, ковырял железным пальцем землю и закапывал семечко. Сбегав к ручью, приносил в жмени воду, поливал место посадки. И как заметил Нури, не было случая, чтобы семя не дало ростка.

Гром с той первой ночи больше не появлялся — видимо, ушел домой, к хозяину. Нури понимал его и не обижался.

Леший учил Нури понимать жизнь растений, и эта наука никогда не надоедала, и пришло время, когда Нури сам почувствовал: вот здесь надо посадить барбарисовый куст — и не семечком, а ростком. И это знание пришло к нему как бы само по себе. Выслушав Нури, леший довольно хмыкнул, брови его полезли на лоб, и показались густо-синие глазки, маленькие, сумасшедше веселые.

Иногда по просьбе Пана Перуновича, который заботился о повышении кругозора своих

сотрудников, Нури читал лекции в гулком помещении синтезирующего комплекса. Поскольку никто по-настоящему не работал, а все чего-то ждали, каких-то перемен, то приходило довольно много народа. Принципы построения математических моделей живого, едва только прописывающиеся в воображении генетиков-программистов, почему-то мало интересовали слушателей. Но все оживлялись, когда Нури рассказывал о своем личном опыте воспитателя, о приемах воспитания у детей доброты и уважения к живому, к природе, которую так бездумно топтали и растрчивали предки.

— Эх, если бы только предки...— проговорил на одной из таких лекций Иванушка.— Мы вот тут раз спросили: товарищ Гигантюк, вы о чем думали, когда рошу под монумент сводили? Ответил, что мы не понимаем задачи момента. Потом выяснилось, что это он ревизоров ждал и хотел показать достижения по-крупному. Что поразительно, он действительно уверен: чем крупнее монумент, тем больше кажутся достижения...

— Вы к чему это, Ваня?

— А к тому, что, по моему разумению, растрата природы лишь на одну десятую объясняется потребностями человечества, а на девять десятых — глупостью маленьких людей, попавших на большие посты.

— А спешка? А корысть?

— В общении с природой спешка и корысть суть та же глупость.

Эти рассуждения показались Нури не лишены интереса, но с другой стороны... Нури не спросил, где был принципиальный Иванушка, когда руководящий Кашей рошу срубал. Распределяя причины по процентам, Иванушка как-то забыл собственное нежелание вмешиваться. Здесь, в Заколдованном Лесу, обитали люди порядочные, тихие, любили совершать добрые поступки и ожидали, что их обязательно должны совершать и все другие. Это так удобно... для себя. Но что все же делать с Василиском, он вот уже созревает для новых злодейств, а решение-то принимать кому? Не Пану же Перуновичу, благостному и эрудированному до невозможности.

Гасан-игрушечник и Неотесанный Митяй — вечная загадка человеческой психики! — выходили Василиска. А могли бы не пойти на болото, страшно ведь, кто бы осудил. И сдох бы Василиск, и всем радость... разве не мог им Пан Перунович помешать? Мог бы. Не стал. Устранился.. А может, ерунда — эти рассуждения о загадках психологии, просто леший и мастер не могли по-другому? В конце концов, все доброе

человек делает по внутренней потребности, и нет ничего подлее, чем ожидание благодарности за добрые дела... Так думал воспитатель Нури.

Василиск сменил кожу. В отличие от людей змеи регулярно меняют кожу. Прежнее одеяние, зловонное и рваное, в шрамах и пятнах пластырей, отшелушивалось от тела, и настал день, когда Василиск выполз из него в новой шкуре с блестящей чешуей, невредимой и удобной. Болотная грязь не приставала к ней. Ощущение новизны требовало действия и пробудило любопытство. Василиск тронул носом окаменевшее тело кукушки, глянул в небо. В вышине по-прежнему кружил Ворон. Пусть кружит, не мешает... А кукушку не вернешь... Шевельнулось воспоминание о прошедшей муке и исчезло. Страдания быстро забываются.

Царь-змея пополз из болота к свету. В углах губ его скапливался яд, но пасть была закрыта, и он не стал брызгать ядом в пролетавшую мимо птаху. Звери разбежались перед ним, тревожно кричал Ворон. В стороне, задевая когтистыми лапами за верхушки деревьев, пролетел дракон и тяжело приземлился за дальней рощей. Змей двинулся в обход озера, а в это время по привычному маршруту совершал предобеденную прогулку Павел Павлович Гигантюк.

На него-то и выполз Василиск.

— Итак, товарищи, позвольте подытожить. В природе встречаются два типа зла. Первое — это зло изначальное. Я бы определил его как зло, сидящее внутри нас: зависть, корыстолюбие, приспособленчество, трусость. Задачей воспитателя является борьба с этими видами зла. Вы согласны со мной, воспитатель Нури?

Пан Перунович промокнул вспотевшее чело и светло оглядел присутствующих. Семинар на тему «Что есть зло и как с ним бороться» собрал обширную аудиторию: все хотели бороться со злом, но не знали — как. Ораторы, обращаясь почему-то в основном к Нури, предлагали различные рецепты искоренения, включая непротивление злу насилием, подставление правой щеки, пассивный протест, общественное осуждение, бойкот и так далее — вплоть до рылобития. Впрочем, большинство выступивших рылобитие как метод борьбы со злом признавали неприемлемым, поскольку оно, будучи злом само по себе, только увеличит суммой зла на земле. Нури слушал дебаты с любопытством: в его практике воспитателя дошкольников ему

как-то не приходила в голову необходимость классификации видов зла и борьбы с ним.

— Так вы согласны, Нури? — повторил Пан Перунович.

— Продолжайте, прошу вас.

— Так вот... А второе — это зло порожденное. Нами порожденное. Причиной ему — наша неспособность или нежелание предвидеть результаты своих поступков. Пример — Василиск! И вот вопрос: какое из зол больше?

Пан Перунович сделал паузу, поскольку подошел леший с бадьей. Он нес драконье молоко, разведенное водой, из семи источников взятой.

— Фифти-фифти! — сказал Неотесанный Митяй, обходя стол, за которым сидели под раскидистым платаном участники семинара. Он каждому наливал в протянутую кружку. Потом леший уселся у дальнего конца стола на свободном месте, подпер нестриженую голову могучими кулаками и стал слушать.

— Позвольте, я отвечу на вопрос.

— Пожалуйста, — Пан Перунович пожал плечами. — Сейчас Иванушка скажет то, что он хочет сказать.

— И скажу. Зло изначальное опаснее всего. Кстати, если о зле порожденном в сказках почти ничего не говорится, то зло изначальное постоянно присутствует в фольклоре. Я ни на что не намекаю, но воплощено оно в Кашее Бессмертном. Напомню, что смерть его находится на острове, неизвестно где расположенном, в сундуке, что зарыт под дубом, а в том сундуке утка, которая должна снести яйцо. В этом-то яйце иголка, а в кончике ее смерть Кашеева. Заметьте, добрый молодец не сам на остров попадает, ему помогают медведь, серый волк, яблонька-золотые яблоки. А когда он сундук выкопал и открыл, утка вылетела, и в вышине ее ясный сокол закогтил. Но утка успела яйцо в сине море уронить, и если бы не щука, то неизвестно, что и было бы. Щука яйцо подхватила и добру молодцу отдала в белые руки. Дальше понятно: яйцо расколотил, иголку сломал — и Кашей скончался в конвульсиях. А вывод, товарищи? Тут, товарищи, три вывода можно сделать. Первый: со злом в одиночку бороться бесполезно, надо всем миром и с обязательным привлечением сил природы, кои и во флоре и в фауне заключены. Вывод второй: чем меньше этой самой флоры и фауны на Земле остается, тем у нас меньше шансов победить зло изначальное. Таков, товарищи, скрытый, а для меня очевидный смысл. И третий вывод: потому зло изначальное и воплощено в Кашее Бессмертном, что победить его нам с вами не дано.

— Такие вот дела,— горестно сказал Неотесанный Митяй.— И чешите грудь.

— То есть как? — услышав такое, Нури не мог не вмешаться.— Как это не дано?

— А так! Не можем — и весь тут сказ.

— Э, нет, товарищи, давайте разберемся! Иванушка тут много чего наговорил... первые два вывода у меня не вызывают сомнения, но третий?! Мой опыт показывает, что этот ползучий пессимизм неоправдан. Непобедимо в принципе? Нет! Единственный способ борьбы со злом — это воспитание доброты. Это и должно быть третьим выводом из той сказки, суть которой вы, Ваня, хоть и тезисно, но достаточно полно изложили. Ибо если бы добрый молодец не был добрым, то ни яблонька, ни серый волк, ни, простите, щука помогать ему не стали бы. Такой вот вывод.

— Ну вот видишь, а ты — не дано, не дано! — Леший встал из-за стола.— Я, однако, пойду погляжу, Ворон кричит.

Прислушались и различили необычайную вокруг тишину и крик Ворона вдали.

— Ну вот,— Пан Перунович светло поглядел на Гасана-игрушечника.— Вылечили, значит, на свою голову, трудности себе создали, сейчас их преодолевать будем. Или как?

— Болел — лечили! — Гасан-игрушечник не опустил глаз, усы его остро топорщились.

Ворон приближался, и леший первым уловил в его крике что-то новое.

— Р-р-радуйтесь! — Ворон спикировал вниз и кружил над платаном.— Цар-р-рь помер-р-р!

Василиск был неправдоподобно огромен, его неподвижные глаза были наполовину затянуты пленкой, ороговевший капюшон, обрамляющий шею, поник, с зубов оскаленной пасти стекал яд, образуя прозрачную лужицу, над которой дрожало небольшое синеватое марево. Большая часть его тела скрывалась в орешнике, густо растущем по периметру поляны. На змее, как на огромном бревне, сидел Кашей — ноги его не доставали до земли — и ковырял тростью опавшие листья. В очках его отражались звери, стоящие вокруг. Притихшие, они молча смотрели на поверженного Василиска, на Кашея.

— Он долго мучился? — шепотом спросил Гасан-игрушечник.

А люди и звери все подходили, и замедляли шаги, и останавливались рядом вперемешку.

— Скажите, Гигантюк, вы что, снимали очки? — Нури затаил дыхание, ожидая ответа.

Гигантюк медленно и страшно улыбнулся — лучше бы он не улыбался.

— Снял, конечно. Кто запретит?

Нури повернулся к Гасану:

— Он не мучился, мастер. Он скончался мгновенно.

— А вы проникательны, бывший кибернетик Нури! Почему мне никто не говорит спасибо? Или я не избавил вас от необходимости самим принимать решение?

Гигантюк слез со змея и, не опираясь на трость, уверенно пошел к поселку. Перед ним расступились.

— Что вы имели в виду, Нури? — спросил Пан Перунович.— Я не понял. Почему — мгновенно?

— У Гигантюка страшная болезнь, именуемая равнодушием. Рак души. Вы как-то забыли упомянуть о равнодушии, когда говорили о зле изначальном... И не спрашивайте меня, почему мы, общаясь с Кашеем, ничего не чувствуем. Чувствуем, но не хотим замечать зло равнодушия, поскольку в малых дозах сами заражены им. Попривыкли, принялись. И потом, он скрывает от нас свою душу, а с виду кажется человеком. Василиску же он явился таким, каков есть. Мне жаль змея, Пан Перунович. Он заглянул в пустые глаза Кашея и сдох от ужаса!

Все молчали, потрясенные.

— Но разве Василиск не есть зло, порожденное нами? — прошептал Пан Перунович.

— Э, бросьте! Подумав, вы и сами могли бы догадаться, что в процесс предвоспитания вмешался Гигантюк. Полагаю, что это было, когда он поскандалил с Неотесанным Митяем и тот ушел. Взбудораженный и злой, Гигантюк надел шлем ЭСУДа, оставленный лешим. Энергия, вы мне сами говорили, уже была подана. Ну вот, Кащей и сломал психику маленького змея, внушив ему склонность к злодеяниям...

Нури не хотели отпускать, его уговаривали остаться здесь, в Заколдованном Лесу, навсегда.

Пан Перунович был покорен умением Нури сочинять сказки. «С чего вы взяли?» — «А нам Алешка рассказывал. И вообще нам нужен постоянный консультант в ранге воспитателя дошколят, дабы верно оценивать содеянное и давать общее направление. Главное же, требуется человек, умеющий принимать правильные решения... Умеете, умеете, сразу видно, да и Сатон вас не зря направил к нам... А вы как думаете, Сатон — он такой! Мы здесь замкнулись внутри себя, и связи с реальностью у нас ослабли, а что за сказка без связи, вы встряхнули нас...» Неотесанный Митяй говорил, что года через три из него получился бы неплохой леший, поскольку Нури бесстрашен и добр, а все остальное — дело практики. Иванушка иногда доверял Нури поварешку и утверждал, что через пару лет он станет вполне грамотным черпальщиком. Гасан-игрушечник, не подозревая, что былое увлечение кибернетики Нури — механофауна, поражался его чутью и умению видеть в произвольно взятой коряге то единственное, что в ней заключено. «Вы умеете держать инструмент, — размышлял мастер. — Через пять лет я сделаю из вас игрушечника...»

Все эти перспективы были заманчивы, и если бы кибернетик Нури не стал воспитателем, он пошел бы в лешие, подменял бы ночами Иванушку и вырезал игрушки. Но он был на самой важной работе и, сожалея, отказался от предложений.

— Ладно, что тут поделаешь, — вздохнул Пан Перунович. — Но вам придется подождать, коллектив готовит для вас подарок. Мы не можем отпустить вас просто так...

Нури догадывался, что это будет за подарок, ибо к Гасану-игрушечнику прибегали на консультацию и старик Ромуальдыч, и сам Пан Перунович, и многие другие. Они вертели так и сяк, дотошно рассматривали того деревянного зверя, которого мастер показал Нури в день зна-

комства. Ромуальдыч терзал вопросами «Кассандру», Пан Перунович со своими добры-молдцами погрузился в глубины генетики и эстетики — в Заколдованном Лесу эти дисциплины оказались тесно связанными.

Нури не хотел сидеть сложа руки и, трепетно ожидая подарка, взялся переделать все наличные шапки ЭСУДа. Он вводил в схему блок защиты, автоматически отключающей поле при попытке передачи в камеры предвоспитания злых намерений — запоздалая страховка от Кащея. Дело это было многотрудным, поскольку проверить, сработает ли блок, оказалось невозможным. У всех обнаружили только добрые намерения, а к Гигантюку, естественно, никто обращаться не желал. Так что пришлось Нури полагаться на интуицию и свой опыт наладчика кибернетических устройств.

...И настала ночь, теплая и сиренево-светлая. Нури, Иванушка, Неотесанный Митяй и Гасан-игрушечник сидели вокруг котла на помосте, смотрели на огонь и — ковшик ходил по кругу — пили драконье молоко. Немного грустные в предчувствии расставания, вели негромкую дружескую беседу обо всем — о жизни, о сказках, о том, что драконыш вот растет общительным, что, скоро, видимо, появится маленький единорог — естественным, так сказать, путем — и что, может быть, стоит познакомиться золотого коня из ИРП с единорогами, есть в них нечто родственное... А возможно, кони — это мутанты единорогов?

Нури ощутил за спиной чье-то присутствие и протянул руку. Погладил пса. Гром подошел неслышно и ждал, когда на него обратят внимание.

— Ну что, видимо, мне пора?

— Пора, — сказал пес. — Я пришел за тобой.

— Вы же сами не захотели остаться, — Пан Перунович пришел вовремя, и Нури подумал, что все уже приготовились и вот даже Грома вызвали к ночи, когда можно пройти сквозь защитное поле.

В руках Пан Перунович держал лукошко, закрытое попонкой. Все посмотрели на лукошко и поднялись.

— Тут для вас подарок. Вам и детям — в дополнение к тянитолкаю, чтоб не рос увальнем и не терял алертности.

И сразу леший засвистел, загукал странно, и на яблоню опустилась Жар-птица, и стало светло. А леший взял лукошко, поднес его Нури и убрал попонку. В лукошке на мягкой подстилке лежал и сонно щурился щенок рычикусяя.